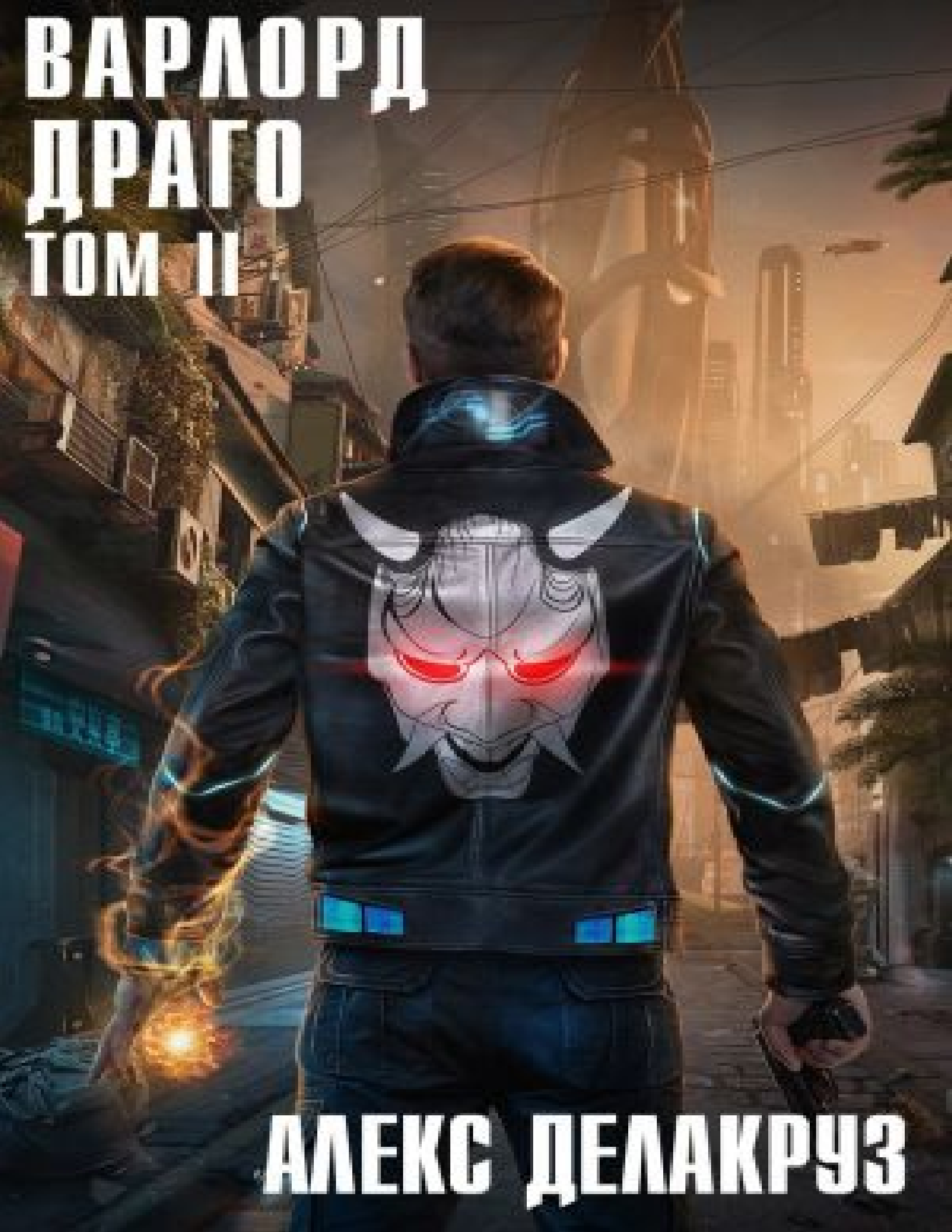

ВАРЛОРД ДРАГО ТОМ II

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Annotation

Девятая книга саги о варлорде Артуре Волкове.

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами.

Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

Алекс Делаacruz

Варлорд Драго. Том II

Глава 1

– Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду Расскажи... – негромко произнесла погруженная в думы царевна, невидящим взглядом глядя сквозь собственное отражение в зеркале.

Повинуясь неясному импульсу, она вдруг сфокусировала взгляд на самой себе, словно впервые заметив. Хмыкнув, немного неуверенно и даже словно стесняясь собственных желаний, Эльвира, все еще не выходя из глубокой задумчивости, положила руки на шею, запустив ладони под волну длинных волос. И грациозно выгнулась, потянувшись вверх, к самому небу.

На несколько секунд, по-прежнему глядя отражению в глаза, Эльвира замерла на мысочках, отбросив все мысли и просто любуясь собой.

Потом чуть подбоченилась, перенесла вес на одну ногу и положив ладони согнутых рук на талию.

Поменяла опорную ногу, изогнувшись в другую сторону. Подняла правую руку, опять запуская ладонь в длинные локоны. И еще сильнее изогнулась в талии, так что линия бедер стала еще круче и привлекательнее.

Чуть погодя Эльвира легко приподняла, сгибая в колене, одну ногу и наклонилась, подарив отражению чувственный воздушный поцелуй. Тут же выпрямилась, деланно смущенно потупившись, опустила плечи и скрестила перед собой опущенные руки.

Смущение демонстрировала сама себе недолго – почти сразу вздернула подбородок, выполнив холодно-надменный взгляд. Чуть опустила подбородок, исполнив взгляд маняще-загадочный. Смутилась уже по-настоящему и тут же повернулась к зеркалу спиной, оборачиваясь, взглянула дерзко и с вызовом. От этого смутилась еще сильнее, но почти сразу звонко рассмеялась. Вновь подняла руки, запустила в густые локоны, заставив подняться волну волос, и подмигнула своему отражению.

Определенно, она сама себе нравилась. Особенно с распущенными волосами.

Убрав рассыпавшиеся локоны за спину, Эльвира вернула себе серьезность. Практически замерла, лишь то и дело проводя рукой по своим густым, платинового цвета волосам, царевна еще долго стояла перед зеркалом. Размышляя ни о чем и сразу обо всем. И еще немного отстраненно любуясь собой.

Эльвира сейчас по-настоящему наслаждалась моментом – потому что последние месяцы ей практически не удавалось побыть в одиночестве и дать волю эмоциям.

Быть магом-менталистом – это значит ограничить себя в возможности одиночества. А когда вокруг череда важных событий, тяжелее вдвойне – эмоции других людей громче, чувства ярче, и все это приходится пропускать через себя. Без возможности закрыться – иначе это может сказаться на потенциале возможностей мага-менталиста.

Любая остановка на пути развития ментата может оказаться катастрофой. «Если ты устал, ты можешь сесть и отдохнуть. Но тогда ты никогда не станешь первым», – как говорил знаменитый дон Эрнесто Гевара, один из идеологов создания Трансатлантического союза.

Именно поэтому хороших ментатов так мало.

Особенно тяжело Эльвире пришлось в последние полгода, когда ее размеренная жизнь (размеренная, как оказалось, в сравнении) буквально сорвалась в галоп. Царевне было настолько тяжело постоянно присутствовать в центре событий, не закрываясь и не заглушая

возможностей своего восприятия, что всегда бесстрастная и внешне невозмутимая девушка несколько раз находилась на грани нервного срыва. Она не спала бесчисленное количество ночей, пытаясь убежать и от себя, и от навязчивых мыслей, и от череды преследующих ее слепков эмоций, шепчущих ей со всех сторон и понемногу сводящих с ума.

Осознавая, что граница безумия уже близко, Эльвира сознательно шла на риск и не ограничивала свое восприятие.

«...но тогда ты никогда не станешь первым».

Помог царевне, как ни странно, ритуал Кровавого союза. Связь, возникшая с Артуром и Валерой, вышла на первый план и заглушила все остальные факторы, и преследующие Эльвиру в астрале тени. Кровавый союз оказался словно якорем, остановившим ее на краю надвигающейся бури океана безумия.

Обретя крепкую связь, вышедшую на первый план восприятия, Эльвира словно получила свою личную тихую гавань. Она как будто задышала полной грудью, сбросив с плеч тяжесть сонма преследующих ее духов астрала, а также избавившись от навязчивого шепота слепков чужих эмоций и чувств.

Кроме всего прочего, здесь, в городе-крепости «Кузнецкий острог», где тренировались боевые маги рода сибирских князей, повсеместно стояли ментальные заграждения. Так что душа Эльвиры, освобожденная от тяжести чужого присутствия, буквально пела, отдыхая.

Сейчас, когда в невероятно насыщенном событиями ритме жизни появилась передышка, Эльвира просто наслаждалась тишиной и спокойствием. Немаловажным фактором было еще и то, что здесь, в Цитадели рода, Эльвира чувствовала себя в полной безопасности...

Едва заметный отголосок чужой силы, краткий и едва ощутимый всплеск, заставил ее насторожиться. Отбегая от зеркала, царевна на ходу скинула легкую ночную рубашку и, подбежав к гардеробу, торопливо облачилась в костюм боевого мага. Одновременно с этим разгоняя восприятие и входя в первую ступень скольжения.

Мир поблек, спектр зрения изменился – теперь она видела все в лиловых тонах, под цвет стихийной силы, заполнившей сиянием глаза. Дальше все произошло невероятно стремительно.

За окном, словно упав с неба, мелькнула подернутая темной дымкой тень, и послышался скрежет когтей. Незванный гость в буквальном смысле упал сверху, зацепившись за стену, а сейчас пытался открыть окно. Эльвира ему помогла – сработала на опережение, сформировав ментальный щит. Только сформировав его, она усилием толкнула конструкт вперед, выбивая раму полностью.

Темная тень за окном, вопреки ожиданиям царевны, не улетела прочь. Избегая удара щитом, тень отпрыгнула, а потом словно нашла точки опоры – прямо в воздухе! Темным росчерком неизвестное существо запрыгнуло обратно на вырванный ударом щита вместе с рамой подоконник, так что снова послышался скрежет когтей.

И тут же неизвестный гость попал в фиолетовые плети ловушки, которую сформировала Эльвира. Сеть сжалась, и темный, подернутый черными лоскутьями Тьмы, гибкий монстр забился в рычании, пытаясь высвободиться.

Не удалось – он оказался крепко зафиксирован фиолетовыми жгутами. Да и бился недолго – почти сразу волей царевны влетел в комнату. Снеся стол и несколько стульев, он остановился только от удара в стену, по-прежнему сжимаемый силовыми путями.

Раздался грохот и звук рвущегося холста – сверху сорвалась картина в тяжелой раме, накрывая незваного гостя. И, через мгновение, черный ягуар – а это стало понятно, когда

ушли маскировочные клочья Тьмы, замер. Сидя у стены, частично накрытый упавшей и порванной картиной, связанный фиолетовыми плетью ловушки оборотень с неммым вопросом смотрел желтыми глазами на Эльвиру. Голова зверя, после падения картины, прорвала холст упавшей картины прямо на увешанном наградами мундире предка царевны.

– Валера? – остоленела царевна. – Ты дурак? – не нашла она ничего лучше для комментария ситуации.

Персидская династия с Сибирскими князьями уже не первый год находились далеко не в лучших отношениях. Несостоявшийся поход на Бал Дебютанток должен был стать лишь первым шагом к установлению дипломатических отношений – от которых, впрочем, никто особо многого не ждал. Поэтому, если бы кто поймал Валеру на территории цитадели, в самом центре владений сибирских князей, это могло иметь очень и очень серьезные последствия. А могло бы и не иметь – если бы Валеру просто убили.

Впрочем, еще ничего не кончилось. Эльвира буквально кожей ощущала, как уходят считанные секунды. Оставшиеся до того, как в ее апартаменты залетят гвардейцы княжеского рода, братья и охрана.

Фиолетовый хлыст дернулся, и безмолвного персидского принца – который еще не до конца обернулся из формы черного ягуара в человеческий облик, вихрем занесло под кровать.

– Там сиди! – крикнула Эльвира, торопливо срывая с себя костюм боевого мага и опять накидывая недавно отброшенную прочь ночную рубашку. Успела, причем в самый последний момент. Запахнула пояс она, когда дверь ее апартаментов распахнулась от удара.

Но первый же заскочивший в комнату гвардеец получил в шлем китайской фарфоровой вазой. Вазой династии Мин – очень подходящей к ситуации, потому что вазы династии Мин в большинстве имели высокие и узкие горлышки, за которые было удобно хвататься одной рукой. Вторая рука Эльвире была нужна не меньше – она при броске удерживала халат, чтобы тот не распахнулся.

– Прочь! Все прочь! – истерично, срываясь на визг, закричала Эльвира.

Вторая ваза династии Мин полетела в шлем ошеломленного происходящим гвардейца, который забежал в апартаменты царевны следующим.

Эльвира между тем, под недоуменными взглядами группы быстрого реагирования, смела со стола скатерть с поздним ужином (или ранним завтраком), разбивая в пыль графин с лимонадом. И хлестнула фиолетовой плеткой по потолку, оставившей на лепнине заметный след.

– Я сказала прочь! – возвращая себе внешнее спокойствие, сказала Эльвира, не обращая внимания на сыплющуюся с потолка штукатурку.

Несмотря на легкомысленное одеяние в виде одной ночной рубашки, выглядела Эльвира по-настоящему царственно. И ошеломленные ее криками гвардейцы почти моментально, активно толкаясь в проходе плечами, покинули апартаменты.

Сама Эльвира в этот момент мысленно выругалась, потому что увидела лежащий почти в центре комнаты сапог из экипировки боевого мага, забытый и не убранный ею во время переодевания.

Едва сапог, от удара босой ноги царевны, полетел под кровать к Валере, как вместо гвардейцев в комнату забежала сама ее высочество Софья. Сибирская княгиня была готова ко всему – глаза ее горели алым пламенем, а руки опутывали алые же лоскуты.

Запретная Магия Крови, которой сибирская княгиня – достигшая во владении ранга

магистра (неподтвержденного, конечно же), пользовалась лишь в критических ситуациях.

– Мама! – продолжая разыгрывать истерику, бросилась на шею княгини Эльвира. – Мама, я его... а он... с этой шляхой!

– Кто? – смаргивая с глаз кровавые лоскуты избыточной силы, ошарашенно выдохнула княгиня, которая теперь даже не знала, что и думать.

– Он! С ней!!! – тонко протянула Эльвира, срываясь в вой истерики и пряча лицо на плече матери.

Княгиня, которая впервые видела дочь – знаменитую своим хладнокровием, в подобном состоянии, просто опешила. Гораздо в большей степени, чем получивший фарфоровой вазой в голову гвардеец.

Опешила, но очень быстро пришла в себя и собралась с мыслями, начав задавать вопросы. Эльвира же еще четверть часа не могла прийти в себя, разыгрывая истерику оскорбленных девичьих чувств. Не выдав никаких имен – ни таинственного «его», ни «этой шляхи». И виртуозно найдя на все заданные вопросы ответы без ответов.

Зашедший же на огонек сибирский князь, который в момент тревоги был в отъезде, сразу был выпровожен княгиней.

«Жениться тебе надо, барыня», – услышала Эльвира глубокомысленное от князя, сказанное из глубины коридора.

Отец, как и мать, был глубоко потрясен поведением царевны – чье хладнокровие уже стало притчей во языцех в кругу, одаренных старой аристократии Российской Империи.

Эльвира же, так и не признаваясь, о ком плачет, и какую шляху готова задушить собственными руками, постепенно заканчивала с драмой. И чуть поуспокоившись, попросила оставить себя одну.

Когда крайне озадаченная княгиня ушла, Эльвира выгнала прочь и готовых восстановить окно, а также привести в порядок комнату специалистов из службы эксплуатации цитадели. Выгнала, благо в апартаментах у нее было сразу пять комнат и две спальни, так что небольшая неприятность в одной из спален на общий комфорт влияла не сильно.

И только когда все лишние люди покинули разгромленные искусственной девичьей истерикой помещение, Эльвира вернулась в спальню.

– Можешь вылезать, – своим обычным голосом произнесла Эльвира.

Валера легко выкатился из-под кровати, показал царевне ее сапог, который она недавно пнула под кровать, и демонстративно поставил его рядом с гардеробом. И только после этого как ни в чем не бывало уселся в кресло.

– Весьма впечатлен, – поджав губы, сообщил он Эльвире.

– Ты совсем дурак? – выдохнула она. – Ты понимаешь, что тебя охрана убить могла, что если бы тебя...

С каждым словом Эльвира повышала голос. Валера, упруго поднявшись, в два шага оказался рядом и приобнял царевну за плечи.

– Ой ладно, все ведь получилось.

– Пошел ты! – попыталась вырваться Эльвира. – Ты хоть представляешь, как я испугалась? Тебя же могли убить, идиот!

Эльвира снова попыталась вырваться, но Валера снова ее удержал. Царевна рванулась раз-другой – уже не так активно, а после просто уткнулась лицом Валере в плечо. Постояв так немного, она все же вырвалась и отошла к окну.

Несколько долгих минут прошло в тяжелом молчании.

– Э-эль, – нарушил долгое молчание Валера. – А ты действительно так сильно за меня переживала?

Эльвира не ответила. Закрыв глаза, она разжимала и сжимала кулаки, пытаясь не дать злости уйти.

– Ты зачем пришел?

– Хотел тебя видеть.

– Если серьезно?

– Хотел тебя видеть, – вздохнул Валера.

Сейчас, когда они оба отдали последние крохи энергии Артуру, связь Кровавого союза между ними практически не ощущалась. И как раньше, без подпитки, они не чувствовали друг друга так хорошо, полно и объемно.

– А теперь давай по делу, – уже полностью вернула себе Эльвира прежнее хладнокровие.

Еще раз деланно-тяжко вздохнув, Валера достал таблетку ассистанта и нажатием вывел на прикроватном столике проекцию небольшого экрана. Поколдовав с виртуальной клавиатурой, Валера через глубинную Сеть зашел на портал «Мессалина».

Промотав списки разделов, он вошел в «Истории» – причем Эльвира мимоходом отметила, что у него на портале платиновый уровень доступа. Заметила, но заострять внимание на этом не стала.

– Смотри, – произнес Валера и включил воспроизведение.

– Хей-хей-хей, ребята, Занзибар на связи и с ва-а-а-ами... Голдбой! – прозвучал жизнерадостный голос. – Сегодня мы заваливаемся на закрытую вечеринку категории три икса, на которой, конечно же, нельзя вести съемку. Но когда меня это останавливало, ахах! Знаю-знаю, котаны, за это вы меня и любите!

Трансляцию вел чернокожий молодой парень, с глазными имплантами золотого цвета с белыми вертикальными зрачками. Широко улыбаясь, он показывал полный рот также золотых зубов; с золотым напылением были и его дреды.

– Снимать мы с вами, парни, будем на интересный артефакт, который охрана даже не подумала у меня отобрать, потому что он древний, как поделки Николы Теслы, если вы знаете такого чувака, ахах! – сообщил золотой чернокожий, ведущий трансляцию.

Валера включил ускоренное воспроизведение, и голос парня, ведущего трансляцию, слился в быстрое бормотание. Поймав момент и ткнув в интерактивный экран, Валера вернул видео нормальную скорость.

– ...как вам такое, котаны? Вы когда-нибудь участвовали в чем-либо подобном? – заговорщицким тоном спрашивал золотой ведущий. – Сейчас мы с вами подойдем поближе, и...

Ведя трансляцию, Голдбой повернул камеру своего древнего ассистанта так, что было видно его лицо и часть ландшафтного парка. Он сейчас находился у края бассейна, в котором резвились десятки одетых в тематические костюмы, а также вовсе не одетых самых разных людей.

Эльвира, наблюдая за происходящим, отстраненно подумала, что якобы тайная съемка мероприятия происходит с санкции организаторов, и является не более чем рекламой вечеринки. Потому что ни один из серьезных гостей, который на вечеринке категории «Н+++», или как их называли в разговорном – три икса, до сих пор в объективе камеры не засветился.

Еще Эльвира, в гимназии прослушавшая курс скрытого наблюдения, прекрасно видела,

как замыливаются в видео некоторые моменты, и как уходит в сторону объектив. При этом понимая, что девайс в руках Золотого мальчика отнюдь не древний, а самый что ни на есть современный. И даже движениями видеокамеры, скорее всего, управляла нейросеть через импланты Голдбоя, имея при этом связь с системой контроля лиц особняка.

Присматриваясь к происходящему и отмечая мелкие детали, Эльвира собралась было спросить у Валеры, зачем он ей все это показывает. Как вдруг на видео послышались громкие возбужденные голоса – выбивающиеся из ритма веселья. А чуть погодя раздались выстрелы. Голдбой, испуганно выругавшийся, присел даже, не зная куда бежать.

Он настолько испугался, что замер, оцепенев. И поэтому сумел рвано и обрывками заснять, как стреляющий из пистолет-пулемета молодой черноволосый парень, в расстегнутой и накинута на голый торс куртке городского охотника, под всеобщий шум и гам вдруг взлетает в воздух, оседлав тело бесчувственного корпората. Причем корпората в полной броне. И корпората из ЧВК Карателей Легран – успела заметить Эльвира мелькнувшую эмблему.

Видео явно было собрано и обработано в редакторе – из доступных, отснятых Голдбоем обрывков. И Эльвира увидела, как черноволосый парень в полете выпустил очередь – прямо в землю, и вдруг исчез.

Как сквозь землю провалился – даже подняла брови Эльвира. Не понимая, как вот так можно пострелять и пропасть. Но ответ нашелся через десяток секунд. Потому что парень возник в поле зрения снова, причем опять прямо из земли: поодаль от Голдбоя вылетела стеклянная панель, а следом появился яркий красный аэроскутер, который оседлал рискованный незнакомец. Причем вылетел из подземного гаража аэроскутер брюхом вверх, просто с презрением относясь ко всем законам гравитации.

Под удивленные комментарии Голдбоя, который, заглушая общий шум, уже орал практически не переставая, аэроскутер с беглецом свечой ввинтился в небо. Но едва он покинул купол безмолвия, как тут же рядом с ним оказался конвертоплан – с размытой стелс-системой силуэтом. Аэроскутер завис на месте, явно попав под контроль, но водитель за считанные секунды сумел избавиться от чужого захвата.

Аэроскутер, исчезая из поля зрения, камнем рухнул вниз, уходя от конвертоплана. И уходя из зоны видимости объектива видеокамеры. Валера сразу же снова ускорил воспроизведение.

– Короче, тут важного нет, все за кадром происходит, а этот золотой перец просто удивляется произошедшему, – пояснил Валера под ускоренное щебетания Голдбоя. – А вот сейчас они покидают вечеринку, – вновь на пару секунд остановил воспроизведение Валера, и Эльвира наблюдала, как Голдбой с друзьями, возбужденно обсуждая произошедшее, садятся в белый с золотом лимузин.

– Теперь смотри, самая мякотка, – произнес Валера, стараясь максимально удобно развернуть проекцию для Эльвиры.

Царевна в это время наблюдала, как лимузин выезжает из ворот усадьбы и, плавно повернув, выкатывается на дорогу. Это была машина с водителем, а перегородка с салоном была открыта – так что Голдбой вел трансляцию, повернув камеру так, что снимал свое лицо и вид из лобового стекла.

Из-за этого он и смог снять, как аэроскутер вернулся. Причем картинка была дополнена камерами лимузина – проекция получилась трехмерная и очень подробная. Так что Эльвира теперь смотрела на происходящее уже не в склеенных обрывках рваного видео, а в хорошем

объемном качестве. И видела, как появившись в поле зрения, камнем рухнул с неба аэроскутер – уже не красный, а черный от копоти.

После экстремально резкого снижения потрепанный аэроскутер выпрямился над дорогой и почти сразу же встал на дыбы, причем на скорости. Черноволосый парень в этот момент оттолкнулся от ножных упоров и рухнул на асфальт, покотившись, а разогнавшийся аэроскутер врезался во выехавший из-за угла навстречу фургон. Микроавтобус от такого удара, смявшего ему кабину, брызнул стеклом и кувырнулся через капот, приземлившись на крышу.

Молодой водитель аэроскутера в это время уже поднялся на ноги и подбежал к своей поврежденной машине. Выправив аэроскутер в пространстве, он запрыгнул на сиденье и, неожиданно подняв нос, заставил почерневшую машину свечкой устремиться вверх.

Мелькание черного – это Голдбой выходил из машины. Поддержка камер лимузина пропала, действие вышло из их зоны, но почти сразу изображение вернулось – камера теперь смотрела в небо. Где раздался яркий взрыв: вертикально взлетевший вверх аэроскутер вспух ярким пламенем. Камера в этот момент вернулась на спрыгнувшего с аэроскутера водителя, вновь получив дополнение с камер лимузина и возвращая режим наблюдения из 2D в 3D.

Голдбой, который до этого момента истерично комментировал произошедшее, словно что-то почувствовал. Он умолк и наблюдал, затаив дыхание, как водитель аэроскутера вдруг сделал жест, называемый «бесстыжий средний палец», смачно поцеловал его подушечку и показал сначала в небо, а после переадресовал жест перевернувшемуся фургону.

На все про все у незнакомца ушло пара мгновений. После этого он вдруг очень быстро оказался рядом с лимузином – водитель которого, почувствовав неладное, попытался уехать от него задом.

– Он так от бабушки в Новочеркасске семечками торгующей только бы сбежать сумел, – не удержался и прокомментировал происходящее Валера.

Мелькнула золотая ливрея вылетевшего на улицу водителя, и лимузин, взвизгнув резиной, уехал.

– Сейчас еще будет, смотри, – негромко произнес Валера.

Действительно, из-за забора усадьбы послышались звуки. Вслушиваясь, Эльвира поняла – раз выбитые ворота, два выбитые ворота, три... хруст стены?

Слушать было непросто, из-за возбужденного голоса вновь кричащего, мешающего слова и мысли Голдбоя. Но еще несколько секунд и Валера – явно готовясь заранее, увеличил и тут же остановил изображение. Так, что на чуть размытой, в увеличении, картинке, удалось увидеть, как неизвестный парень покидает особняк. Только аэроскутер в этот раз у него был белый, а спиной сидела довольно интересная – судя по длинным голым ногам, женщина.

Валера воспроизведение больше не включал.

– А дальше? – поинтересовалась Эльвира, которая даже немного начала болеть за черноволосого беглеца.

– А дальше бада-бум и на видео никакой конкретики, – прокомментировал Валера, включая воспроизведение. Действительно, над особняком полыхнуло взрывом, и Голдбой, завизжав от испуга, спрятался в кустах.

– Он потом еще раз в эфир вышел, – отключая проектор и убирая ассистант, прокомментировал Валера. – Сказал, что этот отморозок выжил, вернулся в гараж, забрал там еще один аэроскутер, уже зеленый, вернулся за потерянной девушкой, забрал ее и скрылся в неизвестном направлении.

– И? – сдержанно поинтересовалась Эльвира. – Личность его установили?

– Нет, он в маске был. В простой маске, даже без чужой личности.

– И? – еще раз повторила вопрос Эльвира.

– И... – в недоумении только и развел руками Валера. – Смотри: чудеса на виражах – чек. Сексапильная полуголая девка за спиной – чек. Вот это, – тут Валера выставил средний палец и смачно поцеловал подушечку, – тоже чек!

– Ты хочешь сказать, что это Артур? – все также спокойно спросила Эльвира.

– А ты сомневаешься?

– Я даже не знаю, что он мог забыть на Занзибаре. Почерк, конечно, похожий, но...

– Я тоже не знаю. Но мне кажется, что если это он, ему нужна будет наша помощь.

На долгое время в комнате повисло молчание.

– Если мы туда поедem вдвоем, и если это действительно Артур, то... это будет гораздо хуже, чем пресс-релиз о том, что мы знаем, где именно Артур находится.

– Но...

– Но если мы с тобой вдвоем поедem... допустим, в Якутию, никто ни о чем не догадается.

– А зачем нам в Якутию?

– Помнишь, когда вы с Артуром менялись лицами? Ты в его роли поехал в Архангельск, а он с Анастасией в Петербург, под твоей маской?

– Да, но...

– Но если мы сделаем так вдвоем, это довольно быстро вскроется. Поэтому завтра я свяжусь с Николаевым, он вызовет нашу команду на внеочередные сборы, и уже оттуда я под чужой маской отправлюсь в Занзибар, осмотрюсь там, – ровным голосом произнесла Эльвира.

– Хорошо. Только на Занзибар поедешь не ты, а я.

– Почему это? – вскинулась Эльвира.

– Потому что Артур опять влез в какой-то блудняк, и там наверняка будет опасно.

– И?

– И я за тебя волнуюсь.

– А я значит за тебя не волнуюсь?

– А ты волнуешься?

– Дурак ты, – только и вздохнула Эльвира.

– Подожди. Ты что, серьезно за меня волнуешься? – подошел ближе к смущенно опустившей глаза царевне Валера.

– Валер.

– Эля.

– У меня к тебе есть один, очень важный вопрос, – медовым голосом произнесла Эльвира, глядя на принца ангельским взглядом.

– Слушаю тебя очень внимательно, – вообще никоим образом не почувствовал надвигающейся опасности Валера.

– Зачем тебе платиновый аккаунт на портале Мессалина?

– Э...

– Не мнись, пожалуйста, а ответь сразу.

– Эль, нам с тобой очень много нужно организовать, потому что Артур явно в опасности, и...

– Артур не маленький мальчик, и на откровенную, как вы говорите, дичь, не способен. У него, конечно, все как обычно в динамике событий, но я не думаю, что он настолько идиот, что будет спускаться к акулам без клетки, выходить на дуэль на мечах без меча против заведомо более сильного противника, или прыгать с парашютом без парашюта. Если на видео он, то все что я только что видела – вполне в пределах его нормы изменения окружающей реальности под свою манеру решения проблем и вопросов. Минутка, который ты мне сейчас уделишь, роли не сыграет. Ну так что, зачем тебе именно платиновый аккаунт на портале Мессалина?

Если честно, глянув из проема двери вниз и оценив расстояние к полету, я подумал было, что не готов прыгать.

Вот вообще не готов.

Правда, происходило все в динамике, а за спиной у меня стоял Войцех. Который еще до того, как я отказался от плана возвращения, и открыл рот сообщить, что в общем-то могу и второй раз в небоскреб через стоянку зайти, отправил меня в полет.

Ему проще – у него в имплантах отображается дополненная реальность. И подходящий для выброски из конвертоплана момент он увидел раньше, чем я успел сообщить, что отказываюсь от самого плана выброски.

Мелькнули в воздухе огни небоскребов, показалось даже, что увидел собственную... спину, так скажем. Полет продолжался совсем недолго – по лицу хлестнули ветки высоких декоративных кустов, а после ступни ударили в землю. Перекатом, гася инерцию прыжка, я укатился в сторону, сминая кусты. Вылетел из конвертоплана не вертикально вниз, так что погасить удар получилось, и прокатился достаточно далеко.

И остановившись, так и остался лежать на спине, раскинув руки. Вдруг накатила нервный смех, который я не мог сдерживать. В сознании непрерывно пульсировала фраза-окончание старого анекдота: «...а теперь смертельный номер! Прыжок из-под купола цирка в стакан воды без страховки! Гомики, гомики, куда вы меня несете?!»

Таким меня, услышав смех, и нашла Николетта.

Я, по эмоциям, почувствовал ее приближение. И, опять же по эмоциям, почувствовал ее крайнее напряжение. Но никак не мог успокоиться и перестать смеяться – слишком сильное впечатление произвел на меня полет. Высота, конечно, не самая большая, мы примерно с такой при штурмовой высадке прыгали не раз. Правда, есть одно «но» – тогда я все же был в бронекостюме, с активными системами и поддержкой экзоскелета.

Рассказал бы мне кто еще год назад, что я буду сознательно, ну почти сознательно, прыгать из быстролетящего конвертоплана на небольшую террасу верхнего этажа небоскреба... Как хорошо, что год назад мне никто настроение не портил и об этом не рассказывал.

– Вот это приколы, – не удержался я от комментария, все же справившись со смехом. – Помоги подняться, пожалуйста, – глянул я снизу вверх на Николетту.

Девушка присела рядом и, аккуратно взяв меня под локоть и за плечо, не очень умело потянула.

– Ох-о-хох... что ж я маленьким не сдох, – чувствуя, что организму в целом не очень хорошо после полета, выдохнул я.

Но себя жалеть было некогда – вроде бы ничего не сломано, отделался только ссадинами и сильными ушибами. Но боль отошла на второй план – постепенно я все сильнее и острее чувствовал, насколько напряжена Николетта.

Чувствовалось, что она буквально опустошена, и даже, как мне показалось, находится на грани истерики (опять). А вот то, что она едва сдерживалась, чтобы не заплакать – совершенно точно, глаза на мокром месте.

– Как у тебя тут, все под контролем?

Николетта хотела что-то сказать, но вместо слов прерывисто выдохнула. Она вдруг

шагнула вперед и, разрыдавшись, уткнулась мокрым лицом мне в шею, обнимая и крепко прижимаясь.

Словно выплескивая накопившийся ужас и страх, Николетта громко, не стесняясь меня, рыдала. Я при этом чувствовал, как крупно дрожит эта хрупкая девушка. И еще чувствовал ее облегчение – усиливающееся по мере того, как она все крепче прижималась ко мне, словно не желая отпустить.

Подождав немного, пока она придет в себя (и сам я приду в себя), аккуратно потянул Николетту за собой и отвел ко столу. Усадив на стул, погладил ее по волосам. И, мне кажется, именно от этого движения она окончательно, более-менее, пришла в себя.

Не отпуская Николетту, одной рукой – левой, живой, продолжая держать за плечо, я потянулся за стулом (правой) и сел рядом. После этого взял ее ладонь, опять же левой, живой рукой, и заставил Николетту второй ладонью накрыть мою руку. Правая все равно не годится, тем более что она сейчас немного почерневшая после взрыва. Я ее даже спрятал за спиной, чтобы не отвлекать девушку, которая этого пока не заметила.

«Ты как?» – чуть сильнее я сжал руку Николетты.

«Уже нормально, спасибо».

И только ответив, Николетта вдруг поняла, что мы только что обменялись фразами с помощью мыслеречи. Широко раскрыв глаза, она в изумлении посмотрела на меня. Но я сделал успокаивающий жест, мол, все хорошо и даже отлично.

Причем сделал этот жест машинально правой рукой. И, проследив за движением, Николетта увидела черную, сожженную биокожу и контуры мышц под ней.

– Все в порядке? – произнесла она испуганно.

– Да.

«Все просто тип-топ, Томми», – подсказал внутренний голос.

«Рассказывай», – заглушая его, произнес уже я мысленно, обращаясь к Николетте.

«Доминика наказала меня за то, что я помогла тебе попасть на последний этаж башни и не сообщила ей».

«А почему ты ей не сообщила?»

«...?»

Удивление Николетты было настолько велико, что она в изумлении глянула на меня широко открытыми глазами.

«Ладно, прости. Впредь буду более полно проговаривать нюансы. Как она тебя наказала?»

«Морально уничтожила».

«Только морально?» – почувствовал я некоторую недосказанность.

«Пыталась не только».

Николетта закрыла глаза, и у меня перед внутренним взором мелькнула, обрывочно, произошедшая сцена. Как вживую ощутил жжение на щеках пощечин от Доминики, увидел ее злой с прищуром взгляд, холодную надменность. Услышал жесткую отповедь с рассказом о том, как саму Доминику кидали со скалы, обучая плаванию.

Картинки передаваемых Николеттой мыслеобразов – за исключением жжения щек от пощечин, были не очень четкими. Но как Доминика заставляет материализоваться астральную копию кулона-инкюза, в попытке через боль подчинить Николетту, я примерно понял – наблюдая происходящее, словно через мутное стекло разбитой бутылки.

«Вариант того, что кто-то разрушил астральную копию инкюза, отпадает», –

прокомментировала Николетта.

«Нет», – просто ответил я.

«Нет?»

«Нет. Он просто становится менее вероятным. Нельзя исключать даже того, что это именно Доминика разрушила инклюз. А когда ты не умерла, она решила просто проверить его работу. Это, конечно, маловероятно, но сбрасывать со счетов даже такой вариант мы все равно пока не будем».

Столь долгая и связанная в мыслеречь фраза далась мне довольно непросто. Даже в голове зашумело, и я отпустил ладонь Николетты, пытаясь справиться с шумом в ушах и остаться в вертикальном положении.

Все же мой организм после приземления пострадал, а умственные нагрузки сверху здоровья не добавили. Мыслеречь же утомляет не меньше, чем разгрузка вагонов, тем более при нашей не слишком хорошо налаженной с Николеттой связи.

Она как раз хотела было что-то спросить, но я уже вытащил руку из ее ладоней. И только после этого Николетта, забыв о своих переживаниях, вдруг осмотрела меня, словно новым взглядом. До этого момента она, будучи занята переживаниями и погруженная в свой страх и потрясения, не сильно замечала мой внешний вид. А вот сейчас внимание обратила. Ну и да, было на что внимание обращать: куртка на голое тело, черная кожа руки и многочисленные ссадины.

Да и вообще я уже не такой бодрый парень, что улетал отсюда несколько часов назад.

– Поможешь мне маску снять?

– Помогу. Садись, тебя еще надо в порядок привести.

Повинуясь уверенным движениям успокоившейся девушки, я лег на диван, положив ей голову на колени. И украдкой наблюдал за ней снизу вверх, пока Николетта сосредоточенно, с помощью льда, снимала с моего лица маску.

Но после этого встать Николетта мне не дала. Принесла сразу два портативных медкомплекта, браслет первого одела на руку, второй на ногу. Медицина здесь оказалась с сюрпризом – один из комплектов был с магической составляющей. Поэтому пары минут не прошло, как я был свеж и бодр. И внешне неотличим от образца паручасовой давности – второй комплект был без магической составляющей, зато привел в порядок мою почерневшую руку.

– Ты вообще чем там занимался? – ткнула Николетта пальцем в небо, когда широкий браслет 3D-принтера, восстанавливающего искусственную кожу, пиликнул, оповещая о завершении процесса.

– Если будет интересно, завтра расскажу, на острове. У меня крайне много дел, даже не знаю, когда получится все успевать. Отвернись, пожалуйста, – попросил я ее, потому что уже торопливо переодевался в свой корпоративный мундир.

– Эм... – снова смутилась Николетта. Причем снова до такой степени, что щеки ее ярко заалели.

– В чем дело?

– При планировании успевания всех своих дел держи в уме, что завтра вечером мы с тобой должны присутствовать на благотворительном вечере в особняке сэра Джона Холдена.

– А что нам там делать?

– Я не знаю.

– Чувствую в словах твоих недосказанность я, – перешел я на манеру речи мастера

Иоды.

– Мне бы... – выделила это «мне бы» интонацией Николетта, – очень хотелось, чтобы ты сопровождал меня на благотворительном вечере в качестве моего кавалера.

Вот как. Неожиданно. Хотя... неожиданно, но в принципе, ожидаемо. Учитывая, что Доминика играет в одну только ей ведомую игру. При этом умело – определенно умело, двигая фигурки по полю.

– Для меня это будет большой честью, сеньорита, – вслух сообщил я Николетте, после чего она ожидаемо зарделась еще сильнее.

– Есть еще кое-что.

– Что?

– Как сказала сеньора Романо, когда ты станешь варлордом, ты подпишешь контракт на мою охрану. А еще ты уже зачислен в службу внутренней безопасности корпорации на должность старшего оперативного специалиста. И в твоих обязанностях значится статус моего личного телохранителя. Тебе, кстати, уже пришло сообщение на ассистант.

– Ты прочитала? – глянул я на личный и персонифицированный ассистант, который на время вылазки оставлял здесь.

– Нет, мне сеньора Романо об этом сказала, а звуки оповещений твоего ассистанта я слышала. Он такой один, от отдела кадров. Перепутать сложно.

Комментировать ничего не стал, только вздохнул. Не сразу поняв, в чем дело, но потом ка-а-ак поняв.

То есть теперь, получается, с получением мною задания на личную охрану, или Николетта должна постоянно сидеть дома, чтобы я мог решать свои дела, либо же она должна постоянно ходить со мной.

Интересное кино.

Но был во всем этом еще один, весьма интересный момент.

– Служба внутренней безопасности, значит, – не особо скрывая удивления, протянул я.

– Что такое? – почувствовала мое удивление Николетта. – Ты чем-то... озадачен?

– Да. Тем, что это служба внутренней безопасности корпорации.

Причем не просто служба внутренней безопасности. Охранники на входе, так-то, тоже СВБ корпорации.

Озадачен я был тем, что получил назначение в оперативный департамент, причем старшим специалистом. А это уже очень серьезно. Потому что оперативный департамент, насколько я знаю иерархию корпорации – это неприкасаемые опричники и эскадроны смерти в одном флаконе.

– Я озадачен тем, что назначен в оперативный департамент, причем старшим специалистом. Это же какими нужно обладать связями...

– Сеньора Романо – оперативный советник руководителя службы внутренней безопасности африканского направления. Оперативный департамент филиала «Занзибар» находится в ее прямом и непосредственном подчинении.

«Йобушки-воробушки», – подсказал, едва не закурлыкав от крайнего изумления, внутренний голос.

С его удивлением я был полностью согласен. Сегодня просто вечер удивительных, вот до глубины души удивительных, историй.

– Теперь все ясно... – протянул я задумчиво, начиная осознавать, что являюсь фигурой в игре Доминике, но поле игры, как оказывается, выше на порядок, чем то, которое я себе

представлял.

Оперативный советник руководителя службы внутренней безопасности африканского направления – Доминика ведь, по должности, вполне могла присутствовать на памятном и для меня, и для всей корпорации Некромикон совещании в Хургаде.

Вдруг ощутив эмоции Николетты, я перевел на нее взгляд.

То, что я задумался о насущных проблемах и практически пропустил мимо ушей информацию о том, что я теперь ее кавалер, явно задело девушку за живое.

Я хорошо почувствовал тщательно и с трудом скрываемую, не очень успешно, правда, обиду. Также хорошо почувствовал тщательно и также с трудом скрываемые и также не очень успешно, привязанность и надежду. И какое-то... наивное слепое доверие, я бы даже сказал.

«Мы в ответе за тех, кого приручили».

И опять глаза на мокром месте, да что ж такое.

Шагнув ближе, я снова взял Николетту «живой рукой», активируя возможность мыслеречи.

– Не волнуйся и не переживай. Слушай меня и сеньору Романо, и проблем больше не будет, – вслух произнес я.

«Делай с этого момента все так, как нужно сеньоре Романо. За исключением тех случаев, когда я скажу обратное. И все будет отлично, ни одна акула тебя никогда больше не обидит».

Это я уже произнес параллельно тем словам, которые говорил вслух.

– Хорошо, как скажешь.

«Я все поняла».

Николетта, молодец какая, также высказалась параллельно – и мысленно, и вслух. Очень способная юная дама. Вот очень способная. Интересно, что будет, когда она еще и стихии коснется?

«А если ты будешь меня слушаться, то вскоре станешь той акулой, которая сама кого-хочешь может обидеть».

«Хорошо».

– Хорошо, – эхом ответа Николетта вслух. – Массимо...

– Да?

– А зачем ты избил Келли-Хьюза?

– Кого избил? А, этого...

Я уже, если честно, и забыл о том полупокере, которого немного поучил вежливости в туалете.

– Ники, – неожиданно для себя использовал я уменьшительно-ласкательное имя.

– Макс, – неожиданно для меня (и для себя) также по-иному назвала меня Николетта.

– Ники, ты ведь знаешь, что это мир жесток и несправедлив?

– Знаю, – кивнула, поджав губы, девушка. – Теперь знаю, более чем хорошо, – с горечью произнесла она.

– Этот мир несправедлив. И этот мир делится на тех, кого можно, и на тех, кого нельзя. Знаешь, в одной деревушке жил Джон, который всю жизнь строил дома и ковал мечи. Но стоило ему один раз уединиться с овцой за сараем, и никто и никогда больше не назвал его ни строителем, ни кузнецом.

Николетта – святая душа, даже не поняла, о чем вообще речь. Пришлось объяснять:

– Стоило Джону однажды уединиться с овцой в укромном месте и вступить с ней в

противную природе половую связь, и быть при этом замеченным, как после этого никто никогда не называл Джона ни строителем, ни кузнецом. А называли его...

– Я поняла, – прервала меня вновь зардевшаяся Николетта.

– Мир жесток и несправедлив, а корпоративный мир жесток и несправедлив на несколько порядков больше. И если бы я не объяснил этому педику, в чем он не прав... В будущем я мог бы стать кем угодно, пусть даже спасителем вселенной, но в корпоративной памяти навсегда остался бы бегунком, который по щелчку может принести два мохито. Я показал, что меня не можно, меня нельзя. Понимаешь?

– Да. А откуда ты знаешь, что Келли-Хьюз гомосексуалист?

– А откуда я знаю? – удивился я. – Я не знал.

– Ну ты же сказал, что он педик.

Вообще-то я хотел сказать не педик, а другое слово, созвучное с три-два-раз, но вовремя удержался.

– В русском языке педик – это не половая ориентация, а характеристика состояния души. Педиков душой, так скажем, полно и среди гетеросексуалов.

– Ясно.

– А откуда ты об этом узнала? – поинтересовался я.

– Сеньоре Романо уже пожаловался покровитель Келли-Хьюза.

– Мне стоит ждать проблем?

– Не знаю. Не думаю. Он не настолько высоко на...

– Отлично. Тогда пойдем, у нас действительно много дел.

Николетта ошиблась: когда мы покинули переговорную, оказалось, что проблемы нас уже ждали. Четыре человека в корпоративных костюмах, среди которых я заметил Рея Келли-Хьюза и скуластого элегантного молодого человека. Так, не четыре человека, а два – остальные двое с ними были неасапиантами. Явно взяли вместо охраны, чтобы больше голова в унитаза ни у кого случайно не попала.

Ни у кого, кроме меня, наверное – если по их плану.

– Вот он! – произнес обиженный мною «коллега» по корпорации.

– Судари и... полусударь, – отдельно кивнул я Келли-Хьюзу. – Вы, предполагаю, желаете со мной поговорить?

– Ты правильно понимаешь, – спокойно и степенно кивнул мне весьма элегантного вида скуластый молодой человек, в глазных впадинах которого белели импланты с зеленым трилистником Некромикона. Серьезный товарищ: у него в форме одежды присутствовал галстук, который обычным серым винтикам корпорации не полагался.

Птица, так сказать, высокого полета.

И из-за отсутствия у меня очков дополненной реальности я не мог посмотреть ни его статуса, ни даже имени.

– Без проблем, как раз переговорная свободна, – улыбнулся я ожидающей нас парочке. – Николетта, подожди, пожалуйста, нас здесь, я быстро обсужу с господами...

Прервался на полуслове. Потому что створки лифта с мелодичным звоном полностью раскрылись, и из дверей вышла сеньора Романо, собственной персоной. И следом за ней из лифта вышла...

Тут мне потребовалась вся выдержка, потому что следом за Доминикой из лифта вышла Эмили Дамьен. В строгом, причем простом корпоративном костюме, без каких-либо знаков отличий высшего руководства корпорации.

– Что именно ты собрался обсуждать? – вместо приветствия поинтересовалась Доминика, услышавшая мои последние слова.

При этом Доминика ни жестом, ни взглядом не выдала даже намек на наше недавнее с ней, так скажем, весьма плотное общение.

– Сеньора Романо, мое почтение, – коротко поклонился я. – Мы с коллегами по-разному смотрим на вопрос влияния половых отношений на служебные, и в данный момент я готов предоставить на их суд свои аргументы.

– Не сегодня, – покачала головой Доминика. – Драго, хочу напомнить, что у вас, как у личного телохранителя Николетты Агилар, достаточно количество других, более важных дел. Госпожа Дамьен, – повернулась к подошедшей Эмили Доминика. – Позвольте представить: Драго Младич, тот самый многообещающий молодой человек, о котором я вам рассказывала.

– Мадам Дамьен, – пожал я протянутую руку.

– Драго, у вас сегодня весьма много дел, поэтому прошу оставить на будущее дискуссию о влиянии половых отношений на служебные, – произнесла Доминика. При этом она смотрела мне прямо в глаза, и я вдруг почувствовал, как от ее грудного голоса у меня приливает кровь к... и к щекам, и к сердцу тоже, в общем.

Даже жарковато стало, если честно. Настоящая роковая женщина.

– Как вам будет угодно, сеньора Романо, – еще раз коротко поклонился, покладисто соглашаясь и взглядом показав, что ничего не забыл. Причем особого усилия для этого мне не потребовалось.

Едва улыбнувшись Доминика, вместе с молчаливой и сосредоточенной Эмили Дамьен, направились дальше по коридору. Сопровождаемые незаметными до этого момента телохранителями. И, провожаемые нашими взглядами, проследовали к открывшимся перед ними дверям большого совещательного зала.

Двойника такого же зала, в котором я недавно завалил шесть человек из высшего руководства корпорации в Африке, Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Среди которых была и Эмили Дамьен, чья голова – очень хорошо это помню, взорвалась в кровавые брызги.

– Ладно, парни, в другой раз, – подмигнул я всем сразу, сделав жест ручкой.

– Стоять! – окликнул меня старший в компании. – Ты что думал, вот просто так возьмешь и уйдешь?

«Дядя, ты дурак?» – едва не поинтересовался я.

Судя по тому, как именно Доминика не смотрела на скуластого молодого человека, он не особо важная – даже несмотря на мундир, персону. И игнорировать ее слова – признак отнюдь не большого ума.

С другой стороны, это может быть и испытанием от Доминики. Если уж ее бросали со скалы в детстве для того, чтобы научить плавать, не думаю, что к обучению других людей она подходит с излишними сантиментами.

Остановившись и прикрыв глаза, я глубоко вздохнул, а после наклонился к уху Николетты.

– Подожди, пожалуйста, минутку. У нас будет мальчиковый разговор, тебе лучше это не слышать.

Николетта – молодец. Хотя она и разволновалась до перехваченного дыхания, но внешне этого никак не показала. Кивнув мне, двинулась в сторону дивана. Я же, резко развернувшись, вернулся к приоткрытой двери помещения, откуда мы только что вышли. И,

встав в проходе, открыл дверь приглашающим жестом.

Элегантный скуластый молодой человек и Рой Келли-Хьюз, переглянувшись, быстро прошли в помещение. Молодцы какие – сделали это настолько быстро, что я успел захлопнуть дверь перед самым носом сопровождающих их неасапиантов.

Мое действие вызвало приступ быстрого удивления – которое, впрочем, не переросло в слова. Хотя элегантный скуластый молодой человек даже открыл было рот. Но он не успел ничего сказать, потому как получил удар в печень и согнулся пополам.

Рей Келли-Хьюз при виде этого оцепенело замер, но почти сразу побежал в сторону. Не по своей воле, правда – это я схватил его за загривок и, разогнав, направил в стену. Взметнулись руки, раздался шлепок лица в витражное панно, и неожиданно для себя потерявший сознание Рей Келли-Хьюз мешком рухнул на пол.

Я уже был рядом с его элегантным покровителем. Тот уже – за пару секунд, пришел в себя, вставая в оборонительную стойку. Организм у него определенно усилен, раз так быстро справился с болевым шоком. И явно мой первичный успех связан с тем, что я застал его врасплох, используя фактор неожиданности.

А еще это значит, что дальше можно ждать проблем.

Впрочем, проблем я ждать не стал. Тем более что решение пришло довольно быстро – если он накачан усилениями, не драться же мне здесь с ним. Хорошо, что вокруг наблюдалось очень много тяжелых подручных предметов. А как гласит широко известная в узких кругах и одинаковая в двух мирах поговорка: «Чтобы вступить на поле боя в рукопашную схватку, боец должен потерять винтовку, пистолет, нож, пехотную лопатку, выйти на ровную площадку без единой палки или камня, а после этого найти на этой ровной площадке второго такого же дурака».

В общем, когда, немного выбивая сознание из колеи, в голову друга Рея Келли-Хьюза прилетела массивная пепельница, он этого определенно не ожидал. Бросал я правой рукой, так что пятки элегантного молодого человека элегантно взлетели вверх, а сам он упал навзничь. Ковролин удар смягчил, но еще несколько секунд у меня оказалось.

В пару скользящих шагов оказавшись рядом, я перевернул потерявшего всю элегантность молодого человека на живот. Резким рывком сдернул с его плеч пиджак, скатывая рукава наполовину – спутывая движения рук. После этого подхватил его и пробежавшись вместе, приподнял его, разворачивая и перехватывая за удивительно крепкую белоснежную рубашку. Поднимая так, что он приземлился задницей на парапет ограды, свесившись спиной вниз. И единственным сейчас, что его удерживало от падения, оказался галстук, который держал я.

Как раз за те секунды, которые я потратил на построение всей этой композиции, скуластый и уже совсем не элегантный молодой человек пришел в себя. Он попытался потянуться ко мне руками, но получилось не очень удачно – они были спутаны за спиной спущенным пиджаком.

– Ты кто вообще? – поинтересовался я.

Ответа я не получил, поэтому на миг ослабил зажим хвата галстука. Так, что собеседник резко отклонился назад на десяток сантиметров. И совершенно по-девичьи взвизгнул, только сейчас осознав, что за спиной у него почти полкилометра полета вниз, на твердый асфальт.

– Зовут тебя как? – повторил я вопрос.

– Итон Харди-Боулз, – в этот раз ответил собеседник. Чем вызвал у меня взрыв искреннего смеха.

– Как-то твои боулз не слишком харди, – доверительно сообщил я ему, намекая на его

почти девичий взвизг. – От меня ты что хотел?

– Эм... Ам...

– Короче, так. Если я тебя еще раз увижу на расстоянии прямого взгляда, если ты целенаправленно ко мне подойдешь или отправишь ко мне своего полупокера, ты узнаешь, что люди не летают. Это ясно?

– Да.

– Бывай, – отпустил я оппонента, и он рухнул вниз.

Я, правда, контролировал процесс – упасть совсем он не мог. Потому что сидел на парапете и был зацеплен за край согнутыми в коленях ногами. Ну и за лодыжки я его придержал. Так что рухнуть вниз Итон Харди-Боулз рухнул, но полет его длился недолго – до того момента, как он, словно маятник, не ударился спиной о парашют с обратной стороны. Испуганный визг оборвался, и Итон так и остался висеть вниз головой, зацепившись за парашют согнутыми в коленях ногами.

По коленям я его и похлопал. Итон что-то верещал снизу испуганно, но я не вслушивался. Не упадет – так долго можно висеть, я в детстве сам проверял.

Еще раз ободряюще похлопав испуганного Итона по колену, я развернулся и быстро оказался рядом с Келли-Хьюзом. Нажатие в нужные точки помогли ему очень быстро прийти в себя.

– Ну-ну-ну, никто не обещал, что будет легко, – сообщил я Келли-Хьюзу, ослабляя нажим. – Другу своему помоги, – показал я в сторону ног на парашете.

Охнув от ужаса, Келли-Хьюз сплюнул кровь и сопли. И, надо отдать ему должное, сразу попытался подняться, чтобы помочь своему покровителю. Подняться не получилось, так что первые метры в сторону парашюта он преодолел на четвереньках.

Досматривать операцию по спасению я не стал и вышел из переговорной, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Все хорошо? – моментально оказалась рядом со мной взволнованная, но хорошо это скрывающая Николетта.

– Все замечательно, – оглянулся я по сторонам в поисках неасапиантов. Вдруг расстроится от вида приведшего их сюда Итона. Но неасапиантов рядом больше не было, а узнавать, куда они делись, я даже не стал.

– Пойдем, – потянул я за собой Николетту.

У самых дверей лифта меня отвлекла вибрация ассистанта. Первый раз такой звуковой сигнал – и, достав девайс, я увидел, что это пришло оповещение корпоративной почты. Меня прямо сейчас ждали на складе, для того чтобы выдать шесть комплектов индивидуальных комплексов экипировки пехотинца «Warrior-M2000».

О подобной модели бронекостюмов, если честно, я даже и не слышал. Но если судить по пиктограммам обозначения, это легкая пехотная броня, с усилением, причем со штурмовым вариантом оружейных модулей в комплекте.

Таких бронекостюмов, особенно учитывая штурмовой вариант оружейных модулей, для усмирения городских банд должно хватить с запасом. Подобная броня – это как танк Т-72Б3 в чистом поле против туземцев с копьями. Запас технологического преимущества в несколько тысяч лет, так сказать.

И все это значит что? Правильно, это значит, что оперативность получения мною брони связана с намеком от Доминики насчет Кигунгули. Что – намек, звучит совершенно по-иному, учитывая известную мне теперь должность Доминики в Некромиконе.

Вот только почему, интересно, комплектов шесть?

Войцех, Василий, Гек, Патрик и я. Шестой боец – Чумба, но ему бронекостюм будет только мешать.

Так шестой зачем тогда?

Запрос на экипировку, по моему указанию, выполнял Войцех. Неужели он думает, что у меня есть лишние кредиты, чтобы просто так их выкинуть в трубу? Хотя если с бронекостюмами помогала Доминика, платить мне придется, скорее всего, не деньгами.

Но все равно – один запасной? Зачем, не понимаю...

Обо всем этом я думал, спускаясь на лифте вниз. Николетта ехать домой не хотела – хотя спорить не стала. С трудом, ощутимым усилием переборов себя, она отпустила мою руку и села в конвертоплан воздушного такси.

Я же задержался с получением двенадцати транспортировочных кейсов, в которых умещались шесть бронекостюмов и оружейные модули к ним. Забрать бронекостюмы нужно было сейчас – ведь к понедельнику каннибалы по плану Легран уже будут зарегистрированы в ООН как отдельная народность в лице племени Гамамбилу. А это значит, что в таком случае Кигунгули нам не видать – это раз; и два – нас и из Полигона просто выметут поддерживаемые карателями каннибалы.

Это уже не обычная уличная разборка за сферы влияния, это очередной раунд в необъявленной войне корпораций. В общем, проблему с каннибалами нужно решать и делать это нужно как можно скорее.

А как ее решать?

Правильный вариант решения, который я сейчас вижу, только один: если нет каннибалов и их племени на Занзибаре, значит нет и проблемы. А двенадцать ящиков с доспехами и оружейными модулями от бронекостюма «Warrior-M2000» – вполне подходящий инструмент для реализации такого решения.

Для, так скажем, оперативного решения проблемы – если вспомнить мою новую должность в корпорации «Ncr.com».

Двенадцать транспортировочных кейсов с доспехами и оружейными модулями индивидуальных комплексов экипировки пехотинца «Warrior-M2000» в Гелендваген влезли с трудом. Последний, для того чтобы закрыть заднюю дверь, пришлось забивать ногой. Ну и обзора справа не осталось – сразу два кейса на пассажирском месте мешали. В общем, случись что, я сейчас не быстрореагирующий боец с ограниченным полем зрения. Но, к собственному облегчению, до Полигона доехал без проблем.

Уже подъезжая к воротам нашего коттеджа-базы, увидел, как с окрестных улиц в мою сторону торопливо бегут стайки юных наблюдателей. А вот ошивающиеся вокруг Васины «рядовые улиц», и оставшиеся на территории рабочие, наоборот, постарались разойтись по сторонам. Наверное, это они все из-за того, что я люблю бампером на скорости ворота открывать – подумал я. И предполагаю, что не ошибся.

Во дворе меня встречал Патрик. Он сейчас здесь за старшего в доме и по району, а Чумба за ним ненавязчиво присматривает. Ненавязчиво, потому что бурбона видно не было, а он рядом был. Пока мутант сам не показался в поле зрения, я увидел лишь тень движения: выходя из дома и перемещаясь по двору, Чумба двигался на грани скольжения.

Все остальные, из «высшего командного состава группировки», все еще летали на дорожке прогулке над Занзибаром. Вернее, все они уже не летали, а ужинали в ресторане «Небо 114».

Подумав обо всем этом, я погасил некоторое беспокойство жадности. Все же посещение ресторана на сто четырнадцатом этаже небоскреба – дорогое удовольствие. Тем более что... вот за эти мысли мне стало стыдно, но ничего с собой поделаться не мог, и мысли никак не прогонялись. Тем более что, если Вася и его избранница войдут во вкус, они могут покушать так, что пробьют дыру в бюджете не хуже, чем торпеда в борту транспортного корабля. И Василию потом ничего и не предъявишь – получил задание пустить пыль в глаза, задание выполнил. А если я попытаюсь ему объяснить, что такое задание можно выполнять экономично, он просто не поймет. Не потому, что хитрый, а просто потому, что вот такой он, Василий Ндабанинга.

Но гораздо более Василия, в плане ресторанного счета, который может быть золотым, беспокоила Васина подруга. У нее, предполагаю, очень хорошие зубы. Почему зубы? Потому что с плохими зубами такую... хм, корму, не наешь. Так что если Вася будет торпедой в борт корабля моего бюджета, то его подруга сейчас, на пике беспокойства за кошелек, представлялась мне настоящим хтоническим монстром, могущим этот самый корабль бюджета просто разжевать и увлечь на дно...

С ассоциациями я переборщил настолько, что мне стало уже по-настоящему стыдно за свою веру в людей. Но, с другой стороны, всем донимающим меня даже не мыслям, а мыслишкам, я был искренне рад. Потому что они подтверждали, что я, со всеми архидемонскими и божественными делами, еще не тварь бесчувственная. А человек, и на обычные человеческие эмоции не только право, но и возможность имею.

Пока имею.

С такими мыслями я открыл заднюю дверь Гелика и начал доставать из машины транспортировочные кейсы.

– Варриор? – осмотрел пиктограммы на металлическом ребристом контейнере Патрик.

– Ну... ну да, Варриор. А что? – кивнул я и вопросительно посмотрел на ирландца, в голосе которого мне послышалось явное удивление.

– Все в порядке, – пожал он плечами, доставая очередной ящик. Его бесцветные глаза уже ничего не выражали.

Втроем – я, Чумба и Патрик, выгрузив контейнеры из машины, начали заносить их в дом, схватив по одному. И, как раз к этому моменту, над двором завис конвертоплан в яркой раскраске, быстро спускаясь. Тяжелая туша качнулась на посадочных ногах, откинулась широкая кормовая аппарель, и из комфортабельного чрева машины выгрузилась прибывшая невеликая, но респектабельная компания. А нет, не вся – Войцеха с ними не было: последними вышли Василий и его блестящая во всех отношениях дама, и аппарель поднялась.

Василий со своей дамой, кстати, тяжеловато вышли. Явно хорошо и плотно поужинали в ресторане – вновь начал грызть оболочку веры в людей червячок сомнения.

Неожиданно со всех сторон раздались громкие крики. Я даже было вздрогнул от неожиданности, но почти сразу понял, что выкрики – восхищенные и приветственные. Это население Полигона, немалая его часть, собравшаяся за забором, встречало Василия и его леди.

Червячок сомнения переобулся и начал грызть в другую сторону.

Вот как так? Работаешь, придумываешь, планируешь, рискуешь жизнью, свободой и разумом, собираясь приводить криминогенный район в благополучный вид и вести людей к возможности простого житейского счастья, претворяешь планы в жизнь... а любят все не тебя, а Василия, который просто добавил яркости в наряд, нанес татуировку белого черепа на лицо и мелькает пред народным взором чаще всех.

Причем не просто его любят, горячо ведь любят – судя по крикам. Меня же наверняка запомнят не как благодетеля и проводника во тьме, а как опасного со всех сторон странного деятеля, который только и делает, что выбивает или ворота, или мозги уважаемым людям.

Обидно. Тяжела и неказиста жизнь простого кардиналиста, как сказал бы чиновник из команды кардинала Ришелье. Чиновник, обеспечивающий благоденствие, покой и процветание французского королевства, чью деятельность никто не замечает, отдавая все внимание гуляющим по улицам и кабакам вечно пьяным гасконским горцам в ярких мушкетерских плащах. Ладно, что-то меня опять на лирику потянуло. С недосыпа и недоедания, скорее всего.

«А они в ресторане вкусно и плотно поели, а тебе сейчас сублимат грызть. С вишневым вкусом...» – подсказал внутренний голос. От упоминания вишневого вкуса сублимата – а других почему-то у нас в запасах не было, меня едва не перекосило.

Так, стоп. Хватит – собрался я, волевым очищая голову от сторонних мыслей.

В лицо дохнуло воздухом – это спутница Василия, сверкнув блеском изумрудного платья, отправилась прочь. Остальные уже, даже не спрашивая, подхватили кейсы с бронекостюмами. Когда я, также взяв один из кейсов, зашел в дом, в холле уже все было разложено – по два ящика рядом, с доспехами и оружейными модулями.

– Ты где это... удивительное произведение искусства нашел? – поинтересовался у меня Гек, как раз опустивший на пол один из ящиков.

Я, с некоторым усилием, сдержал раздраженный комментарий насчет зубов дареного коня, которые надо брать, пока дают. Сдержался только потому, что Гек, который совсем недавно заживо гнил в вирткапсуле без надежды на освобождение, сейчас попробовал

исполнить шутку. И это, если честно, радует больше, чем раздражает его намек. Да и слов он сейчас за одни раз сказал количественно едва ли не больше, чем произнес за первый месяц, пока жил в усадьбе Юсуповых-Штейнберг.

– Где нашел, там больше нет, – нейтрально ответил я, осматриваясь. – Где... моя новая подруга? – спросил я у проходящего мимо дядюшки Абрама.

– Войцех занимается. Сказал, отвезет в надежное место.

Интересно, что за надежное место? Но ладно, раз Войцех сказал, значит сделает.

Пока заносили последние транспортировочные контейнеры, я двинулся вдоль ряда уже принесенных, раз за разом касаясь ладонью крупных кружков с эмблемой Некромикона. Система идентификации сканировала мой отпечаток, и раздавался щелчок – замок кейса открывался. Несколько движений – открыть меню, выставить возможность настройки доступ по биометрии для другого человека, будущего оператора индивидуального комплекса пехотинца: пока все комплекты были настроены только на меня.

Остановившись у очередного ящика, лежащего рядом с окном, увидел входящего во двор Войцеха. Одиннадцать кейсов были уже в холле, последний лежал на земле рядом с машиной – и его-то поляк и подхватил, занося в дом. И когда последний занесенный в дом транспортировочный кейс стукнул ребристой поверхностью в пол, Войцех высказался на польском, обращаясь ко мне. В большинстве слова были непечатные и все непосредственно касались бронекостюма «Варриор».

– Нормальный доспех... в данной ситуации, – прикладывая ладонь к сканеру на очередном ящике, произнес я, обращаясь к расстроенному Войцеху.

Действительно вроде нормальный бронекостюм – открывая доступ, в меню я уже походя посмотрел более подробную информацию. Да, это была модифицированная версия старой модели, полувековой давности. С производства давно снятая, поддержка прекращена три года назад. Поэтому, предполагаю, нам их и подогнали – незарегистрированные костюмы, которые невозможно отследить.

Штабс-капитан Измайлов, помнится, для того, чтобы получить возможность скрытых действий, украл бронекостюмы со склада Легиона, который, в свою очередь, взял их трофеем у бельгийской Свободной армии. И после этого уже Измайлов поменял прошивку доспехов и оружия. У нас для подобных финтов не было ни времени, ни возможности – рядом ни склада Легиона с левой броней, ни Накамуры.

А Доминика предоставила нам списанные комплексы, давно затерявшиеся в глобальной системе учета и контроля вооружений. Так что мы сейчас будем сразу незаметны для средств объективного контроля без усилий и лишних дополнительных движений.

– Поколение четыре два плюс, штурмовая комплектация и новая прошивка, боевую эффективность можно даже на пятое поколение натянуть, если против манекенов в тире воевать, – добавил я, обращаясь к Войцеху чуть погодя. Говорил, словно бы оправдывая переданный нам... третий сорт, который не брак, прямо скажем. Если уж начистоту.

– Да они древние, как дерьмо мамонта... – прокомментировал Войцех, после чего последовало еще пара фраз на польском, с таким смыслом, что все развалится, прежде чем мы во всем этом даже до тира дойдем.

Чем он так недоволен, понять не могу? У него что, к костюмам «Варриор» личная неприязнь, как у Шкипера к датчанам?

– Войцех, дареному коню в зубы не смотрят, против канныбалов...

– Дареному? Знаешь, сколько каждый стоит?

– А мы что, за них деньги платили?

– Вообще-то да.

– Так. Мы это за деньги покупали, – полуутвердительно произнес я.

– Да, приобретаем в лизинг. Романо сразу счет выставила, первый платеж уже ушел.

– Эм. И сколько... тысяч двести тридцать? – прикинул я максимальную планку.

– Почти угадал. Четыреста двадцать.

– Сколько?!

– Четыреста двадцать. Это штурмовой комплект, как заказывал, также надбавка за отсутствие транспондеров и скорость получения.

«Сколько-сколько?» – уже на польском, из-за состояния крайнего удивления, переспросил и возмутился я.

– Четыреста двадцать тысяч кредитов, – еще раз повторил Войцех. – Ты чего нервничаешь? А сколько ты думал будет стоить индивидуальный штурмовой комплекс пехотинца здесь, в жопе мира?

Я только руками развел. Настроение, кстати, ухудшилось, уровень раздражения на весь мир повысился.

– Как моя подруга?

– Все нормально, в надежном месте.

– В...

– В надежном и комфортном, легко доступном. Все в порядке.

– Хорошо. Да, кстати, а шестой эквип нам зачем?

– Затем, – произнес дядюшка Абрам, который уже стоял рядом с последним ящиком. – Ты еще долго тут удивляться будешь, или таки наконец откроешь мне ларец?

– А... это, вы тоже, что ли, участвуете?

– Участвую в чем?

Отвечать я не стал, только ткнул указующе в один из ящиков и после многозначительно покрутил пальцем вокруг своей оси, показывая, что «вот в этом во всем».

– Нет, я просто решил эту консерву примерить, – саркастически хмыкнул дядюшка Абрам.

– А вы... умеете?

Дядюшка Абрам только вздохнул, и посмотрел на меня как на больного.

– Чтоб ты знал, я почти в таком же, – перевел он взгляд на Войцеха, – древнем, как дерьмо мамонта, начинал службу в разведроту бригады Гивати. Только они тогда не имели индексом «2000М» и по эффективности лишь ненамного превосходили железные рыцарские доспехи. Ты вот без визора, с прицельной планки умеешь стрелять? Попадая при этом в цель, что немаловажно?

Без визора стрелять и попадать куда нужно, я умел – нас этому Андре в первую очередь обучал, так-то. Но сообщать об этом я не стал.

Когда открыл доступ, дядюшка Абрам довольно быстро перенастроил на себя допуск в интерактивном меню. И снова, уже как подтвержденный владелец бронекостюма, положил ладонь на идентификационный круг сканера. Я коротко глянул на него, на его уверенные движения, из которых исчезла кряхтящая старческая неторопливость.

И даже замер, задумавшись. У меня вдруг возникло неожиданное предположение – а не посланник ли Астерота дядюшка Абрам? Потому что по своим возможностям старый еврей недалеко отошел от космического танцора; правда, действуя чуть более старомодными

методами. Если Элимелех выполнял требуемое вскрывая Сеть, то дядюшка Абрам делал это, используя более традиционные связи.

Да ну нет, бред – отогнал я возникшую догадку. Астерот все же не дурак, не думаю, что он стал бы связываться с Абрамом Сергеевичем Либерманом. Это я, так скажем, немного ошарашенный был после смерти от рук демонессы, контракт подмахнул не глядя. Со старым евреем подобный номер просто бы не прошел.

Усмехнувшись забавным мыслям, присел рядом с последней, предназначенной мне парой контейнеров. С негромким шипением крышка кейса с доспехами отошла в сторону. Внутри, в специальных выемках, исключаяющих тряску и трение, расположились элементы брони.

Первым делом достал контактный костюм. Который выглядел... ну, немного устаревшим. Нет, это была вполне функциональная вещь, с системой терморегулирования и медицинского контроля, но пятьдесят лет, разделяющие костюм Варриор и костюм Шевалье, к которому я привык, как ко второй коже, заметны, несмотря на модификацию.

Самостоятельно под тело контактный костюм не подстраивался. Пришлось повозиться с настройкой. Судя по раздающимся вокруг кряхтящим и недовольным возгласам, проблемы в этом возникли не только у меня. У всех, кроме дядюшки Абрама, который с этой древней системой был знаком. М-да. Я даже зашипел, перетянув плечевую стяжку, и возвращая все как было – стопоров на уровень натяжения в контактном костюме просто не было.

Неподалеку выругался Войцех, выдохнул сквозь стиснутые зубы, скрывая секундное раздражение, Гек. Мы сейчас (все, кроме дядюшки Абрама) оказались в положении жителей двадцать первого века, которым вместо калькулятора предлагались счеты, увиденные впервые в жизни. Хотя нет; мы даже, наверное, оказались в положении инженеров, которым для работы вместо компьютера с Автокадом рабочее место оснастили кульманом и выдали карандаш с точилкой.

Вдруг громко, с надрывом закричал, даже почти завизжал Вася, который перетянул себе паховые стяжки контактного костюма. И едва-едва, судя по децибелам крика, его ошибка не закончилась печальными последствиями. Но Войцех стоял рядом, быстро помог Василию избежать трагедии, вернув все обратно как было.

Когда с настройкой контактных костюмов и подгонкой основных элементов брони было закончено, дело пошло веселее. Все же костюмы Варриор относились к модернизированной серии: нейрошунты подключения к личным терминалам и прошивка здесь современные. Ну как современные – судя по индексу «M2000», сама базовая операционная система двадцатилетней давности.

Вот с нейрошунтом, кстати, возникла некоторая проблема. Не именно с ним, а вообще; личного терминала у меня нет. Можно, конечно, и без него, но это значительно – «не думай о долях секунды свысока», увеличивает время отклика. Кроме отсутствия личного терминала, еще у меня нет способности к скольжению. Которое дает не только невидимую взгляду быстроту движений, но и возможность остановки времени. Своеобразную тактическую паузу, чтобы в растянувшемся мгновенье обдумать ситуацию и иметь возможность принять оптимальное решение.

А предстоящая операция – это ведь не короткое боестолкновение в ограниченной локации с известным противником, как было на турнире. Это уже вполне взрослая акция, без искусственных ограничений. И поэтому я не могу на себя принять командование: слишком дорого может стоить один-единственный миг промедления.

Обо всем этом я и думал сейчас, облачаясь в бронекостюм. Немного повозился с щитками бедер – до того момента, пока не въехал, что самостоятельно разъемы на место не встают, и иногда требуется не просто грубая, а очень грубая сила. С этим пониманием дело сразу пошло – кирасу, наплечники и нарукавники надел уже довольно быстро.

В отличие от Шевалье, комплекс Варриор был помассивнее и потяжелее. Но у меня и не было нужды экономить энергоресурс, чем мы занимались во время турнира. Поэтому я включил поддержку экзоскелета, и давящая на плечи тяжесть моментально ушла.

Закрепил на голове ободок визора, после надел шлем. Здесь грубой силы не потребовалось – видимо, при модернизации конструктивную особенность исправили. Легкое нажатие, и услышал щелчок закрывшихся стопоров держателей шейной системы и горжета. Мигнуло, затухая, голубое свечение от дополненной реальности визора, и я сразу оказался в полнейшей темноте. Прошла секунда. Вторая, третья...

Четвертая и пятая. Шестая. Я уже было потянулся выбивать обратно стопора шлема, чтобы через меню транспортировочного кейса попытаться разобраться с проблемой, как вдруг перед глазами пошла рябь помех. Ну да, поколение четыре два плюса, различие между Варриором и Шевалье в загрузке операционной системы, как разница загрузки системы с носителей HDD и SSD.

Десяток секунд перед глазами рябили помехи, после чего появилась полоса загрузки. Потом вторая, третья, четвертая-пятая-шестая. После этого мне было предложено выполнить настройку костюма и интеграцию оружейных систем сейчас или сделать это позже, в процессе. Выбрал сейчас, конечно же. Походил, побегал, попрыгал – с активным, а также с отключенным экзоскелетом. Рядом со мной настраивали подобным образом бронекостюмы остальные.

Периодически прямо перед глазами вылезали окна оповещений, что при соединении индивидуального комплекса пехотинца с личным терминалом через нейрошунт мне будет доступен полный функционал доспеха. Назойливое сообщение все появлялось и появлялось, реагируя на каждое действие, поэтому я его уменьшил и убрал в самую дальнюю возможную точку на периферии зрения, сделав максимально прозрачным. Так хоть и мозолит глаза, но в ненужный момент не выскочит.

Надо бы, конечно, покопаться в настройках и вообще это оповещение выключить, но времени нет и разбираться не хочется. К тому же из меня такой знаток глубоких настроек, что как бы не получилось «ой я тут нажал что-то и все исчезло».

Настройка бронекостюма у меня оказалась закончена у последнего. У всех остальных подключение осуществлялось через нейрошунт, и против моих минут заняло секунды, так что остальные все уже оружие собирали.

В ящике неожиданно-ожидаемо оказался модульный комплекс АЕК. Неожиданно потому, что стало приятно – как старого знакомого встретил. А ожидаемо, потому что модульный оружейный комплекс АЕК – модель экспортная, стоит не только на вооружении Армии Конфедерации, но распространена и по всему миру. Тем более здесь, в Африке. И здесь, в Африке, АЕК даже на флагах нескольких ЧВК, территорий и протекторатов изображен.

Ящик же я не узнал потому, что это был стандартный комплект поставки. Мы же, когда участвовали в турнире, свою экипировку хранили в одном кейсе, куда умещались и доспехи, и оружие. И, как понимаю, те транспортировочные контейнеры, которые мы получили каждый перед началом турнира, были или какой-то отдельной модификацией, или вовсе

собраны отдельно под турнир.

Ну да, в пользу второй версии говорило то, что у нас даже боекомплекта в транспортировочных ящиках не было. А здесь, когда поднял крышку кейса с оружейной системой, увидел полный набор: ударный дрон, четыре ствола разной длины, две ложки с прикладами, прицельные планки и тактические рукоятки. Самое главное, взгляду открылся блок 30-мм гранатомета, и отдельный отсек с двумя носимыми боекомплектами к каждому модулю. У нас такого не было: штурмовой стрелково-гранатометный комплекс для использования в турнире нам не полагался, из-за специфики арен проведения. Сейчас же никаких ограничений, кроме законов божьих и человеческих, как я их сам понимаю нет, так что губы мои растянулись в невольной улыбке.

В общем, полный комплект поставки. Ну, теперь заживем.

В несколько движений собрал штурмовую винтовку, снизу добавив еще и гранатомет. Привычная конструкция заметно изменилась, но никаких проблем не возникло – я сейчас с поддержкой экзоскелета, мне сейчас передается лишь незначительное ощущение тяжести. Легкое, как ощущения от поворота руля автомобиля с гидроусилителем.

Потяжелевшая в спарке с гранатометом штурмовая винтовка отправилась за спину, на магнитные крепления, а я собрал себе еще пистолет-пулемет, также отправив его за спину. А потом достал, убирая обратно в ящик, и на это место закинул длинный контейнер с ударным дроном. Вот, так правильнее. После принялся распахивать по местам крепления уже снаряженные магазины и кассеты с гранатами. Боеприпасов, как водится, много не бывает – их или еще мало, или уже не унести.

В этот момент шипение настройки смолкло, и я наконец оказался полноценно интегрирован с костюмом. Сразу же меня в дополненной реальности нагрузило немалым количеством телеметрии и показателей, которые буквально заполонили всю область зрения. Конечно, если смотреть сквозь, большая часть всего этого информационного яркого безобразия пропадала, но все равно глядел на мир, как через разноцветное плавающее марево.

Открыв меню настроек, начал приводить поле зрения в удобоваримый вид, а не в кошмар неподготовленного человека, который видит рейдовый интерфейс про-игрока в ММОРПГ. Убрал вообще почти все, кроме показателей сохранности щитов первых двух уровней защиты. Показатели сохранности жидкой наноброни контактного костюма не выводил: если первые два уровня защиты будут не в порядке, я это уже без напоминания почувствую. Да и операционные мощности нужно экономить – судя по времени отклика на мои действия, быстрое действие систем костюма... не идеальное, так скажем.

После того как минимизировал объем данных перед глазами, подтвердил сохранение изменений. Вновь перед глазами появились полосы загрузки – после принятия изменений началась настройка тактической сети. Десяток секунд, и первым перед взором появилось окно отряда, с шестью (включая мою) иконками фигур. Все бледно-синие в ореоле темно-синего, что говорит о максимальных показателях заряда батарей, сохранности щитов и уровня здоровья.

Под каждой фигурой можно было прочесть позывной. Я усмехнулся, потому что дядюшка Абрам, Войцех, Патрик и Гек в качестве позывного подтвердили фамилии, а вот Василий выбрал имя. И подписи под иконками получились: Немец, Либерман, Ковальский, О'Брайан, Василий. И читая, я как анекдот представил: собрались как-то немец, поляк, ирландец, еврей и русский...

Анекдот закончился, когда к моей иконке, появившейся чуть позже, система автоматически подтянула фамилию – Младич. Теперь уже не так явно выглядело все, просто отряд. Хотя... Драго Младич сам по себе тот еще анекдот: «...заходит как-то в бар параноидальный шизофреник».

Пока я думал о всякой ерунде, загрузка интерфейса тактической сети завершилась, после чего появилась связь. И вдруг громко, в полной тишине, окружавшей меня до этого, прозвучали первые слова. Это было настолько внезапно, что я даже вздрогнул от неожиданности.

– ...винтовок много, но эта – моя.

Резко обернувшись, я увидел, что Вася стоит на коленях у транспортировочного кейса с оружием и держит на весу, на вытянутых руках, собранный стрелково-гранатометный комплекс. И монотонно повторяет явно заученные слова:

...моя винтовка – больше, чем оружие.

Это человек такой же, как я.

Я должен научиться владеть ею так же, как владею своей жизнью.

Без меня моя винтовка бесполезна.

Без моей винтовки бесполезен я.

Мы с моей винтовкой знаем, что эффективный огонь – точный огонь.

Побеждает не тот, кто стреляет первым, а тот, кто первый попадает.

Поэтому я должен стрелять из винтовки метко.

Должен стрелять точнее, чем враг, который пытается попасть в меня.

Моя винтовка – мой лучший друг.

Она – моя жизнь.

Я и моя винтовка знаем, что счет ведется не на количество выстрелов, а на количество убитых.

Я и моя винтовка, мы станем частью друг друга.

И мы будем убивать.

Перед Господом я повторяю этот символ веры моей.

Амен.

Василий закончил молитву, с резким стуком выбив стопор, сложил приклад и забросил винтовку за спину.

Остальные на Василия внимания не обращали. Ясно почему – они его молитву даже не слышали. А я ее слышал, потому что у меня командирский статус, и я слышу переговоры всех членов отряда.

– Василий, – произнес я.

– Да, босс, – вздрогнув, обернулся Вася.

– Это вот что сейчас такое было?

– А... я в общей сети, да?

– Нет, просто я, как командир, тебя слышал.

– Это молитва, босс.

– Я понял, что это молитва. Ты откуда ее взял?

– Хефе научил, босс.

Теперь все стало понятно. Мои слова, когда-то сказанные в шутку – на тренировке

команды, во время получения бронекостюмов Шевалье, Андре записал и сохранил. И заставлял заучить эти слова новобранцев. Когда обучал те самые «человеческие организмы», которые погибли, защищая мир от вторжения демонов. И о чем подвиге почти никто до сих пор не знает. Вот такой вот привет от Андре, неожиданный.

Так, ладно. Делом надо заниматься и вдумчиво. Потому что если я сегодня облажаюсь, то о подвиге отряда варлорда Артура Волкова в Инферно никто никогда и не узнает.

Настройка бронекостюма наконец закончилась, и в дополненной реальности перед взором появилась метка о доступных разведданных. Зацепив взглядом, я раскрыл сообщение и увидел полную информацию о дислокации каннибалов в Кигунгули. Всерьез изучать разведданные пока не стал, смахнул пока в сторону. В принципе, у меня и так – стараниями Войцеха и его «друга Вальдуша» эта информация была.

Зато с появлением этой информации подтвердилось предположение, что Доминика определенно знала, на что намекала, говоря мне о планах насчет Кигунгули. Даже не намекает, а завуалированно направляет и показывает, что мне делать и куда идти.

Подобное со мной происходило, когда я только оказался в этом мире. Только тогда я вообще не ориентировался, что происходит. Сейчас же ситуация изменилась – осознавая, пусть даже примерно, цели игроков, я представлял происходящее на поле. Да, не очень приятно чувствовать себя сейчас инструментом в чужих руках, конечно. Но... наши пути пока ведут в одну сторону, а развилку – первую, я уже и сам вижу.

Маша Легран. Личное знакомство с которой – мой сильный козырь в рукаве.

Открыв в дополненной реальности меню командира отряда, создал предварительно боевую задачу – оставив пустыми большинство строк и утвердив лишь состав отряда. После этого нашел опрометчиво убранные с глаз разведанные, подтянув их и прикрепляя к боевой задаче. И после этого, зацепив взглядом пиктограммы бойцов отряда, выбрал иконку Войцеха, передавая ему командование операцией. Поляк, увидев перед собой сообщение, на пару мгновений замер, а после повернулся ко мне.

– Либерману надо отдать, – произнес он.

– Что ему отдать? – не сразу понял я.

– Командование операцией.

– Дядюшке Абраму?

– Да. Я простой отставной жандарм, а он уже командовал разведротой и гонял по пустыне эфиопов и легионеров еще тогда, когда нас с тобой даже в проекте не было.

– Он же сказал, что служил в разведроте, не командовал?

– Он сказал «начинал служить». Ты его биографию не знаешь разве?

– Эм... да нет, глубоко не копал.

Если честно, вообще не копал. Просто положился на мнение Моисея Яковлевича, что «...Аб-бгам Сег-геевич очень уважаемый и г-газностогонне газвитый человек, с весьма обшигх-х-х... с весьма обшиг-х-х-гх-хными связями в самых газных сферах».

Ну да, а ведь, кстати: только сейчас вспомнил, что, рекомендуя мне дядюшку Абрама, Моисей Яковлевич, как мне сейчас очевидно, явно волновался и хотел многое рассказать. Я тогда, правда, как обычно торопился и даже слушать не стал. А зря.

– А зря, – словно эхом моих мыслей повторил Войцех.

– В пару слов?

– Опасный он человек, если в пару слов.

– Понял. Ладно, с этим позже. Передавай ему командование операцией.

Кивнув, Войцех замер, и через пару мгновений положение меню отряда изменилось, и командирский отсвет в отношении боевой задачи получила пиктограмма дядюшки Абрама. Тот никак не отреагировал, продолжая держать наизготовку стрелковый комплекс и водя стволом из стороны в сторону, периодически его опуская и поднимая. Явно настраивал прицел и отображение информации в дополненной реальности во время положения оружия наизготовку.

Еще примерно несколько минут потребовалось всем, чтобы интегрировать бронекостюмы с оружейными комплексами. Я, как обычно – из-за отсутствия личного терминала, оказался последним. Так что, закончив, все молча и терпеливо дожидались меня.

И когда я наконец закончил настройку, прошел в центр комнаты. Остальные встали рядом, образуя круг. Лишь Чумба маячил позади и в совещании-брифинге принять участие не мог – мы сейчас все уже в глухом режиме брони, общаемся посредством таксети.

Но Чумбе участвовать и нет необходимости. Во-первых, бурбону просто неинтересно обсуждение, а во-вторых, все что ему нужно – убивать. А когда и как это нужно будет делать, я скажу и покажу.

На некоторое время повисло молчание. Все ждали моих слов. Я же говорить не начинал – тема сложная. Думал, осматривая всех. Была такая возможность – несмотря на то, что забрала шлемов глухие, тактическая сеть дорисовывала лица.

Надо, кстати, это дело отключить. Надо вообще все лишнее отключить, чтобы в ненужный момент система не подвисла. Даже несмотря на модернизацию, не думаю, что бронекостюм Варриор сможет выдавать боевые возможности на максималках.

Надо будет отключить, но потом.

– Сейчас попрошу всех слушать и думать над услышанным. Считайте это не брифингом постановки задачи, а совещанием. Мне очень нужно ваше мнение.

Выдержав паузу, для осмысления остальными сказанного, я заговорил. Начав издали:

– Однажды ученый рабби Иосиф Соловейчик разговаривал с учениками, и один из них задал ему странный вопрос: «Разрешено ли пить молоко вместо вина на Седер Песах?» «Тебе запрещено пить по состоянию здоровья?» – спросил рабби. «Нет, просто вино для меня сейчас – слишком дорого». Вместо ответа рабби дал ученику двадцать пять долларов, и ученик ушел. И когда он ушел, другие ученики начали задавать вопросы: «Рабби, почему ты дал ему двадцать пять долларов? Ведь пять долларов для покупки вина было бы более чем достаточно». «Если он собирался на Седер Песах пить молоко, – ответил рабби Соловейчик, – это значит, что у него нет денег на мясо, так как еврейский закон запрещает есть мясо с молоком. А это, в свою очередь, значит, что сейчас у него нет денег не только на вино, но и на мясо, и на все остальное. Я дал ему достаточно денег для того, чтобы он купил не только вино, и смог отпраздновать Седер Песах как следует».

Никто пока (кроме дядюшки Абрама, который наверняка знал золотые правила еврейского бизнеса) ничего не понял. Но понимание мне пока и не было нужно. Овладевая вниманием слушателей серьезными проблемами, я заговорил, конкретизируя:

– Вы все сегодня видели мадам Жаклин, мою новую подругу и клиентку. Сейчас она преследуема каннибалами из Кигунгули за то, что, так получилось, случайно увела их деньги. Большие деньги. Наша задача – защитить мадам Жаклин, выбить каннибалов из Кигунгули, а после раздать призы всем сочувствовавшим, – многозначительно посмотрел я на Войцеха, намекая на «друга Вальдуша».

Войцех только многозначительно усмехнулся. Так, похоже, друг Вальдуш свое уже получил – судя по улыбке Войцеха, сомнений в этом у меня не возникло. Когда он успел только? Ему и Жаклин надо было в надежное место определить, и с Вальдушом получается разобраться...

Спрашивать об этом не стал. Просто выдержал паузу и довольно подробно рассказал всем о том, что узнал от Жаклин. И конкретно насчет ее деятельности, и более широко – по каннибалам, которые уже через несколько дней собираются стать частью мирового сообщества, будучи признанными Колониальным комитетом ООН. Что, в свою очередь, подарит нам таких соседей, которые с поддержкой от ЧВК Карателей Легран просто выкинут нас с Полигона. И когда подробно рассказал обо всем этом, озвучив наши перспективы, вернулся к озвученной в самом начале совещания притче.

– Рабби, как вы помните, дал своему ученику не пять долларов, которых хватило бы только на вино, а двадцать пять, чтобы ему хватило на празднование Пасхи. Потому что

сороковое золотое правило ведения бизнеса по-еврейски гласит: «Иногда надо дать больше, чем достаточно, если ты действительно хочешь дать достаточно». Поэтому, руководствуясь данным правилом, я думаю, что нам стоит разнести каннибалам будки так, чтобы их просто не осталось на этом острове. И думаю, это та самая черта, только лишь за которой мы сможем дать достаточный ситуации ответ.

Некоторое время стояло молчание, после чего дядюшка Абрам покачал головой.

– Если мы вынесем с острова каннибалов, превратив их в кровавый фарш, ты приобретешь очень серьезного врага в лице Карателей Легран.

– Я договорюсь.

– С кем?

– С Машей Легран, напрямую.

– Ты думаешь, Маша Легран – это вся корпорация?

– Нет, но...

– Представляешь, сколько усилий им потребовалось, чтобы провести признание Гамамбилу в Колониальном комитете? Причем вряд ли этим занималась сама Маша, с которой у тебя, судя по всему, есть знакомство, это плод работы всей корпорации СМТ. Ты это понимаешь?

– Понимаю.

– А ты, если таки уничтожишь каннибалов, просто превратишь в прах труд сотен людей. Причем труд, на который затрачено наверняка немало ресурсов – ты хоть представляешь, сколько стоит купить решение в Колониальном комитете?

– Представляю.

– Как думаешь, простят тебе такое? Безотносительно Маши, с которой ты порешаешь вопрос.

Об этом я, кстати, думал. Недолго, но очень плотно – в те моменты, когда время было. Пока, например, плыл к яхте по ночному океану. И додумался до того, что прекрасно понял заинтересованность Доминики в том, чтобы именно я поскорее разобрался с каннибалами. Потому что тогда я гарантированно оказываюсь на противоположной стороне баррикад от ЧВК Легран.

Понятно, что с Машей я могу договориться, поэтому подобное положение дел меня не особо пугало. Но с точки зрения Доминики, которая не знает о моей более чем тесной связи с Машей, я оказывался полностью в зоне ее контроля. И варлорд Драго Младич – после уничтожения каннибалов, становится управляемой пешкой корпорации Некромикон. Потому что, если варлорд Драго Младич лишится поддержки корпорации Некромикон, после всех своих действий, дня не проживет.

И да, я прекрасно осознавал, что уничтожение каннибалов – пощечина корпорации СМТ. Даже не пощечина, а сокрушительный удар сапогом по... по самому больному. По репутации, по деньгам, по затраченному времени.

Но иных путей для себя сейчас я просто не видел. Или они, или я.

– Ты вот книгу умную купил, про правила еврейского бизнеса. А тридцать первое золотое правило ты читал? – поинтересовался между тем у меня дядюшка Абрам.

– Я только названия всех глав просматривал, так скажем.

– Так как оно звучит, помнишь?

– Нет, я хорошо только сороковое запомнил.

– Тридцать первое правило звучит так: «Не оскорбляйте врагов своих». Пересказывать

не буду, прочитаешь потом сам, раз уж книгу купил – не пропадать же инвестициям. Но кроме золотых правил, по этому поводу еще Макиавелли говорил. Внимательно слушаешь?

– Да.

– Макиавелли завещал: «Даже когда государь считает нужным лишить кого-то жизни, он может сделать это, если налицо обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества».

Откровением услышанное для меня не стало. Имущественные отношения даже в протекторатах подчиняются правилам Первого мира; кто-то здесь живет, а кто-то делает здесь деньги. Так что соблюдение ряда правил, даже в игре без правил – одно из фундаментальных условий. И именно это, необходимость нарушения правил, и вызвало необходимость у Доминики к привлечению к уничтожению каннибалов стороннего исполнителя. Меня, как варлорда Драго Младича, пусть пока и необъявленного.

Все это я прекрасно понимал. И, если бы у меня была всего одна жизнь – жизнь Драго Младича, я сейчас и не собирался бы подобным образом лезть на рожон. Но я сейчас, без пяти минут, раскрытый Артур Волков, и некоторые последствия действий и решений мне просто не важны. Некоторые потенциальные последствия решений для меня сейчас даже слишком незначительны – точь-в-точь как для идущего вперед носорога, который плохо видит, но это не его проблема.

Необходимость как-то объяснить все это вызвало новый приступ раздражения. С которым я справился.

– Это все понятно, – сдержанно кивнул я, обращаясь к дядюшке Абраму. – Но других путей для себя сейчас я не вижу. И, наверное, поэтому вас здесь всех и собрал. Рассказывая все подробно, потому что надеюсь услышать что-то умное, – все же не сдержался и съязвил я.

– Давай попробуем, – усмехнулся дядюшка Абрам. – Гекдениз, есть что сказать?

– Я не очень понимаю стратегических целей. Но, рассуждая тактически, согласен с Олегом в том, что каннибалов надо вынести с острова и забыть.

– Ты еще и Олег? – удивился дядюшка Абрам.

– Долгая история, – только отмахнулся я.

– Ясно. Василий?

– Эм... А...

Василий замаялся, но сказать так ничего и не смог.

– Василий, я таки в тебе не сомневался, – подколот его дядюшка Абрам. – Войцех?

– Я не знаю, что и как в данной ситуации лучше делать, – сразу и откровенно ответил поляк. Чем, судя по сопению, очень смутил Васю, который словно бы говорил: «А что, так можно было?»

Теперь пришел черед дядюшки Абрама, на которого все и посмотрели.

– Племя Гамамбилу признано ООН? Еще нет. Действуют в племени сейчас правовые нормы и законы? Тоже нет. Пока ты занимался погрузочно-разгрузочными работами, – намекнул дядюшка Абрам на то, что именно я привез бронекостюмы, – и пока господа вкусно кушали, я немного поузнавал обо всей этой громко свистипердящей ситуации по знакомым. В общем, племя Гамамбилу теперь – официально отдельное подразделение ЧВК Карателей Легран. В корпорации это уже проведено по штату, остается только признание Колониального комитета, чтобы де-факто превратилось в де-юре. И знаешь, почему

устранение каннибалов на острове – задача, порученная твоей прекрасной сеньорой нашей пусть небольшой, но респектабельной компании?

– Предполагаю.

– Не знаю, что именно ты там предполагаешь, но не только поэтому. А потому, что большая часть воинов племени сейчас в тренировочном лагере Карателей на Мадагаскаре. Здесь, в Кигунгули, осталось не более десяти бойцов. С бронекостюмами, тех кто с камнями и палками я в расчет не беру. Могут быть еще инструкторы-неасапианты, числом не больше четырех. Остальные, около двух сотен – гражданские, женщины и дети. На то, чтобы выгнать каннибалов с острова, теоретически даже одного Василия может хватить. Почему же каннибалы сейчас так беззащитны?

– Почему?

– Я предполагаю, – даже для убедительности поднял палец в небо дядюшка Абрам, – наша акция согласована с обеих сторон. Уничтожение, изгнание, и даже возможный геноцид племени каннибалов, в данный момент выгодны и Некромикону, и СМТ. Размен фигурами, только тебя с доски чуть позже уберут. Повод к этому ты сегодня заработаешь.

– Согласен, – быстро проанализировав услышанное, кивнул я. – Я это тоже подспудно понимаю. Но что делать?

– Мы можем легко зайти к ним в гости, прямо сейчас, и поменять вождя племени. Поставив во главе каннибалов хоть Чумбу.

– У Чумбы племя свое есть, не получится.

– Тогда Василий. У вождя две дочки, выбирай любую...

После этих слов послышался сдавленный возглас.

– Не надо меня замуж за дочек вождя, – сообщил испуганный Василий, который моментом из грозы улич превратился в испуганного молодого человека.

– Так замуж и не пойдешь, – сообщил я ему.

Василий широко улыбнулся, вновь возвращая себе грозный вид.

– У него же дочки. На дочках женятся, а не замуж выходят.

Улыбка с лица Василия пропала.

– Босс... прошу вас, не надо.

– А кого еще? Ты за свою благоверную, что ли, боишься? Так сделаешь ее старшей женой, в чем проблема?

– Босс... прошу, не надо, пощадите... – Вася, судя по виду, готов был упасть на колени.

– А кто тогда?

Гек? Из него вождь... Сам дядюшка Абрам? Ему вера запрещает.

Все взгляды скрестились на Патрике.

«Мне вообще безразлично», – примерно так ответил ирландец, что мы все сочли за согласие.

– Для того, чтобы сделать все легитимно, после объявления Драго варлордом тебе нужно будет принести ему вассальную клятву, – уточняюще произнес дядюшка Абрам.

– Без проблем.

– Если у нас все получится, – обернулся ко мне дядюшка Абрам, – то ты так и так будешь договариваться с Легран. Только уже не как тот человек, который уничтожил титанический труд десятков и сотен людей, оскорбивший своими действиями целую корпорацию, а как деловой партнер и возможный союзник, потому что еще ничего сломано не будет. Таким образом ты решишь проблему без эскалации напряженности.

А еще это поставит меня в довольно сложное положение – подумал я. Потому что племя каннибалов станет словно доской, балансирующей между двух корпораций: Некромиконом и СМТ.

– Племя будет не очень согласно выбрать нового вождя.

– Ну мы же их хорошо и убедительно попросим. Не зря у нас целых шесть, пусть и древних, как говно мамонта, – неодобрительно глянул дядюшка Абрам на Войцеха, – бронекостюмов Варриор с полным боекомплектом.

– Хорошо, действуем так. Если что, для плана В возможность есть всегда.

Послушав согласное молчание, я продолжил.

– Мы заходим в Кигунгули, убиваем всех неасапиантов, если найдем, остальных по возможности вырубаем, переключаясь на нелетальный режим стрельбы. Убивать каннибалов только в случае крайней необходимости. После подавления направленной активности ведем переговоры и ставим своего вождя. Так?

– Так, – только и кивнул дядюшка Абрам.

Последние сборы и контрольная проверка работы систем всех бронекостюмов заняли еще несколько минут. После чего мы выдвинулись – на своих двоих, по серой зоне. Передвигались довольно быстро, с поддержкой экзоскелета это было несложно.

За главного на Полигоне, вернее за главную, оставили благоверную Василия. Юная, но весьма внушительного вида мадам уже переделалась, сменив изумрудное платье на экипировку городского охотника. С белым демоном на спине, надо же. И, судя по повадкам и стати, оставить ее здесь вполне разумное решение. И вот это вот... то, что мы ее оставили за главную, мне очень понравилось. Потому что это хороший признак – от прямой вертикали управления Полигоном я уже отошел. Есть я здесь, нет, процессы идут, работа и жизнь на месте не стоит.

И это хорошо. Потому что сам я в это время могу заниматься серьезными делами.

Ну а если у остающейся здесь за главную дамы Василия (не помню даже, как ее зовут) возникнут проблемы, то для авторитета и для страховки с ней остается Чумба. Убивать бурбону, по новому плану, больше никого не требовалось, и его присутствие в логове каннибалов стало необязательным. Что меня, кстати, радовало.

Не доходя примерно километра до границы района Кигунгули, разделились. Расходясь в стороны, растянувшись в линию на триста метров, практически одновременно вышли на позиции по меткам, расставленным дядюшкой Абрамом.

Сам Либерман, как я начал его называть про себя, был в паре с Геком. Войцеху и Патрику, как самым умелым и опытным боевикам, предполагалось действовать каждому в одиночку.

Я оказался в паре с Василием – мы составили самое слабое звено отряда, и нам полагались второстепенные задачи поддержки. Причем понимал я и принимал это даже без внутреннего протеста, вполне осознавая справедливость решения. Потому что Василий – это Василий. Он непредсказуем. Сам же я – без личного терминала и поддержки нейроинтерфейса, в традиционном боестолкновении боец так себе. Против только «вчера» облаченных в броню каннибалов, я решаю, конечно, а вот против неасапиантов – если они есть, уже лишь с большой долей удачи.

Но даже несмотря на возможное присутствие неасапиантов, числом до четырех, предстоящая задача выглядела донельзя простой. Нам даже не было нужды кружить по всему району, выискивая боевиков и авторитетов каннибалов, рискуя пошуметь слишком громко и

получить в ответ реакцию полиции.

Каннибалы, контролирующие район Кигунгули, располагались обособленно. В большом, авангардной архитектуры двухэтажном здании, бывшем научно-исследовательском институте морской флоры, сейчас отданном для нужд переселенного племени. Которое, кроме всего прочего, еще получило все квоты на ручной труд в припортовом районе. И, вследствие этого, кроме обеспечения работы порта присело не только на весь мелкий криминал в не просвечиваемой оком большого брата зоне, но и оказалось на контроле некоторых контрабандных маршрутов. Имея с этого весьма и весьма неплохой доход – Жаклин, которая увела у племени наверняка лишь небольшую часть черной кассы, подтвердит.

Так что сейчас наше внимание было сконцентрировано только на здании исследовательского института. И вопрос с реакцией полиции на шум в здании, как и обещал «друг Вальдуш», был уже решен. Праздник у людей, фейерверки, шум, гам. Бам, бам, племенной барабан – мысленно, немного нервничая, сбился я с мыслей.

Оказавшись на позиции, мы с Васей почти одновременно сняли со спин небольшие контейнеры, также одновременно открыли крышки и активировали каждый ударные дроны, которые еще могли выполнить роль камикадзе. Небольшие, но массивные и тяжелые квадрокоптеры моментально ушли в небо, исчезнув из поля зрения. Зависнув над зоной обнаружения вокруг научно-исследовательского института и ожидая своего часа.

Как только ударные дроны ушли вверх, из специальной кассеты на предплечье у меня самостоятельно вылетело пять небольших, чуть больше стрекозы, миниатюрных дроноразведчиков. Каждому уже был назначил сектор слежения, и по сигналу Либермана я дал команду к началу сканирования.

После этого сразу же переключил в приоритетный вид меню наблюдения с дроноразведчиков. Перед взором сразу, поверх реального вида, нарисовалась создаваемая наблюдением трехмерная модель здания бывшего института. Синяя штрихованная модель, с красными метками замеченных оборонительных турелей и фигурами вооруженных людей. Над каждой из фигур уже появилась метка цели.

Всего караульных обнаружилось четыре человека – двое устроились под пальмой у западного крыла, неподалеку от въездных ворот, и, судя по виду, тянули один косяк на двоих. Третий дисциплинированно расхаживал по крыльцу главного входа, а последний располагался на крыше. Спал под вентиляционным коробом, рядом с зенитно-ракетной турелью. Спал причем, сняв бронекостюм, для пущего удобства. Идиот – только и вздохнул я.

Неасапиантов видно не было. Отправлять сейчас дроноразведчиков в здание – вариант поднять тревогу, если у них более-менее современные системы обнаружения и защиты стоят. Видимо, поэтому дядюшка Абрам принял решение к началу действий: все же, несмотря на присутствие пусть даже четырех неасапиантов, преимущество – из-за фактора внезапности, у нас подавляющее.

Мне пришло командирское оповещение необходимости зарядания ЭМИ и световых шумовых гранат. Быстро перезарядив гранатомет и сменив трубчатый магазин на четыре гранаты, я увидел, как все остальные пиктограммы меню членов отряда окрасились отсветом готовности. Еще несколько секунд ожидания – каждый их нас получил метку новой позиции, синхронизированной с ходом течения операции после начала атаки.

– Готовность десять секунд, – послышался голос Либермана. – Пять, четыре... – чуть погодя начал он отсчет. Пауза вместо слова «три», специально сделанная для того, чтобы в

случае неготовности кто-то мог вставить свой комментарий.

– ...два, один. Огонь.

Выпустив на двоих восемь гранат, мы с Василием сменили магазины и сорвались с места, уже на бегу включая стелс-режим. Ощутимо загудело, по всему костюму прошла легкая вибрация, визор показал мне реальность в холодных тонах. Все, я в режиме призрака – и когда остановлюсь, меня даже не факт, что сможет заметить человек с пяти-семи метров. Электроника же меня заметить точно не сможет, потому что над и в самом здании, занятом каннибалами, продолжали взрываться гранаты. И ЭМИ, и дымовые, и свето-шумовые.

Перепрыгнув через забор, мы с Василием помчались к укрытию по меткам.

«...!» – только и выругался я, потому что визор мигнул красным, и перед глазами появился сразу десяток, не меньше, сообщений об ошибках системы. За спиной что-то громко затрещало, пахло горелой изоляцией, появилась тяжесть в руках и ногах, а сообщения об ошибках системы продолжали стремительно наслаиваться друг на друга. И их уже было не десятки, а сотни.

Ухватив главное, я аварийно вышел из стелс-режима. Наслоение оповещений об ошибках пропало, но перед глазами в дополненной реальности творилось форменное и мутное безобразия. Хорошо, что перед взором сохранялась трехмерная модель здания: приоритет в показе модели с разведывательных дронов сохранился. И я сейчас ориентировался в пространстве, как пилот заходящего на посадку в плотных облаках. Представляя, где верх, где низ, а где посадочная полоса только по приборам и меткам проекционного дисплея.

Несмотря на проблемы с бронекостюмом, скорости я почти не потерял, и плюхнулся на колено на позиции лишь чуть позже Василия. Уткнул приклад винтовки в землю и одну за другой выпустил в небо еще две серии гранат.

Происходило для меня все уже практически в полной тишине – система активного шумоподавления после сбоя работала криво, и я сейчас слышал только свое дыхание. Быстрая замена пустого картриджа магазина гранатомета, и на место встает последний, четвертый. С кумулятивными гранатами – для неасапиантов, которые могут быть здесь.

И едва я сменил магазин, как вдруг раздался предупреждающий сигнал зуммера. В дополненной реальности справа, на периферии зрения, появилась красная стрелка, показывающая направление на замеченного противника. Обернувшись, я увидел яркие контуры силуэтов – один во внутреннем дворе, еще двое в глубине здания, если судить по элементам трехмерной модели института. Их заметили дроны-разведчики, которые с началом нашей атаки залетели внутрь.

Я успел только рассмотреть силуэты неасапиантов, как ближайший, во дворе, вдруг на некоторое время исчез в яркой вспышке – это к нему приземлился ударный дрон-камикадзе. Я это видел краем глаза – потому что уже стрелял по меткам других целей, прямо через стеклянные стены. Люблю авангардную архитектуру – не нужно пробивать метры бетона.

Стрелял не только я – оба замеченных неасапианта уже упали и дергались под настоящим дождем из пуль. Поднялся только один, но тут же лег обратно, а после исчез в яркой вспышке: залетели управляемые гранаты.

Вдруг мне в голову и плечо, сзади, словно молотом ударило. Удар был настолько силен, что я пролетел вперед несколько метров – и летел под аккомпанемент гула активных щитов. Так гудит прибывающий поезд; но гудели щиты ровно до того момента, как я со всего размаха полета врезался в стену здания. Уже падая, развернулся, и выпустил в выделенный

таксетью сектор предполагаемой стрельбы весь магазин. И только после этого появился еще один красный силуэт с меткой. Как появился, так и исчез – у отрядной иконки Патрика появилась метка убийства.

– Драго! Статус?! – сквозь возникшие скрипящие помехи, разбавившие полную тишину, послышался в переговорнике голос Либермана.

– Активен, – ответил я, пытаясь подняться.

– Драго! Статус?!

Не слышит. Из имеющихся в наличии вариантов починить связь я имел всего один вариант, им и воспользовался – ударив кулаком себе по шлему. Надо же, получилось – шум помех пропал, замеченное сообщение о потери исходящей связи исчезло.

– Статус – активен!

Вася лежал неподалеку – барахтаясь, как упавший на спину жук, пытаясь подняться. Живой, но хорошо ему прилетело – отметил я искореженную попаданиями кирасу. Сильнее, чем мне – иконка его в меню отряда желтая, второй щит поврежден.

И все это из-за того, что у меня вышла из строя стелс-система – мельком отметил я. Именно поэтому четвертый неасапиант обнаружил нас раньше, чем мы его. Мысль мелькнула краем, потому что операция между тем продолжалась. Судя по отметкам в тактической сети, движение в самом разгаре – фигурки перемещались, статусы менялись, появлялись новые метки целей. И опять все это происходило почти в полной тишине: к звуку собственного дыхания у меня добавился противный звон в ушах.

«...!» – в полной тишине и уже в полной, кромешной темноте.

Свет вокруг словно выключили. Сердце забило где-то в горле, я запаниковал, не понимая, что происходит. При этом осознавая, что если сейчас попаду в поле зрения противника, мне конец.

Кромешная темнота не уходила, и, машинально подняв руки, я ощупал шлем. И сразу понял, что с ним не все в порядке. На затылке рваные края, как будто дыра там немалого размера.

Все, отклонялся? Шальная пуля только что прилетела? – в полной темноте и полной тишине мелькнула пугающая догадка, от которой заledenели даже мысли.

Но тут же, перед глазами, вызвав самую настоящую бурю чувств, появилась серая пелена помех. Бронекостюм просто ушел в ребут, не выдержав выпавших на его долю испытаний. Появились полоски меню, после чего перед взором все вновь заполнили десятки информационных окон.

Да что ж такое, мои настройки не сохранились, что ли? – подумал я, емко это дело прокомментировав.

– Драго! Статус?! – вновь услышал я голос дядюшки Абрама.

– Активен! – вновь доложил я.

«...!» – снова свет погас.

В этот раз перезагрузки системы ждать я не стал. Выбил стопоры, сорвал шлем. Оставшись с непокрытой головой, поправил ободок визора, и загрузил безопасный режим бронекостюма, ограниченный лишь основным набором функций. После помог подняться все еще барахтающемуся, оглушенному Васе, и вместе с ним мы наконец добежали до входа в восточное крыло здания института.

В этот момент лично моя задача поменялась – Либерман, видимо, оценив и мое состояние, и состояние Василия, поменял приоритеты. Вася теперь уходил на резервную

позицию, а мне предстоял путь на крышу, к зенитно-ракетной турели.

Включив магнитные держатели, я забрался по металлическим балкам полусферы восточного крыла на второй этаж. Причем лезть пришлось осторожно – попаданием мне разворотило еще и левый наплечник. Так, что он теперь топорщился ломаным гребнем, как элемент фэнтезийной брони. Только вот я не в фэнтези, и при таком гребне на наплечнике разворотить себе лицо острым металлом неосторожным движением очень легко. Учитывая, что я без шлема, а усилие от экзоскелета препятствие в виде моей головы даже не заметит.

– Freeze! Freeze! – то и дело слышал я, как в здании кричат Войцех и Патрик, а иногда даже Гек. Выстрелов практически не раздавалось – после того, как умерли неасапианты, противников у нас просто не было.

Оказавшись на крыше, осмотрелся, не слишком торопясь. Отсутствие шлема как-то располагало к осторожности. Моей задачей сейчас было занять пусковую установку зенитно-ракетного комплекса. Ответственный за нее каннибал чуть шевелился под вентиляционным коробом, где совсем недавно спал.

К нему в гости свето-шумовая граната прилетела, так что во внешний мир он не скоро вернется. Стянув пленному руки и ноги пластиковыми наручниками, я уселся в кресло кабины оператора мобильного зенитно-ракетного комплекса. Некоторое время мне потребовалось, чтобы освоиться с управлением.

Зенитно-ракетный комплекс представлял из себя вращающуюся кабину турели, с обеих сторон которой было прилеплено по длинному вытянутому контейнеру для четырех ракет. Спереди оператора защищал массивный бронешит, на внутреннюю поверхность которого транслировался экран радара и показания систем обнаружения. В теории так должно было быть – потому что сейчас ни одна ракета не была заряжена, а сам зенитно-ракетный комплекс находился в состоянии гибернации. Что я довольно быстро исправил, найдя штабель ящиков под тем же вентиляционным коробом, где лежал связанный оператор комплекса. Воткнул в контейнеры все восемь ракет, после чего поставил установку в режим поиска и сканирования.

И после этого у меня появилось время посмотреть в тактической сети расположение отряда. Вася все еще приходил в себя, лежа пластом. Дядюшка Абрам поменял позицию, переместившись в западное крыло. Войцех, Патрик и Гек методично шли по коридорам и стогнали всех каннибалов в главный зал здания. Лазейки к отступлению закрывали ударные дроны, висящие по периметру здания. Парочку беглецов дроны напугали, заставив вернуться обратно в окна, откуда те выпрыгнули.

Периодически до меня все же доносились и звуки стрельбы. Судя по всему, устрашающей, поверх голов – потому что отметок целей в таксети даже не появлялось.

Свою задачу я выполнил, новых не было. Так что я теперь только и делал, что слушал переговоры и резкие выкрики снизу. Ну и гребень наплечника чуть подправил, полностью не сбив, но хотя бы убрав опасность травмирования.

Вскоре на крыше появился Гек. Глянув на меня через глухое забрало, он только головой покачал. Ну да, когда в полной броне и без шлема – выглядит такое интересно. Особенно с крылом развороченного пулями наплечником. Гек сменил меня за пультом турели, а сам показал вниз. В сторону центра здания, где, судя по силуэтам фигур, в большом зале холла уже выстроились все члены племени, согнанные из своих кроватей.

Опять голосовая связь пропала – догадался я. Связь пропала, но визуальнo таксеть работала – для меня в зале уже была приготовлена метка. Метка места, где нужно встать для

беседы с пленниками. Мне это – прямое указание места, не очень понравилось. Приказы не оспаривают, но из-за врожденной вредности заходить внутрь по-человечески я не стал, и спустился в холл прямо с крыши.

Разбив короткой очередью одну из стеклянных секций и дождавшись, пока осыпается стекло, прыгнул вниз. Связь, кстати, после того как я прыгнул, заработала – услышал голоса общения отряда.

Мое появление получилось довольно эффектным – понял я, оценив вид собравшихся каннибалов. Которые каннибалов как-то и не напоминали – я как-то подспудно ожидал увидеть дикарей в набедренных повязках, с костями в носу и обглоданными окороками (как в мультиках показывают) в руках. Нет, все присутствующие были в обычной гражданской одежде, большинство в рабочих комбинезонах, несколько человек частично в бронекостюмах. Либо не успели экипироваться, либо же их заставили снять энергоблоки и избавиться от оружия. А может и то, и другое. Было и несколько человек, которые выглядели обычными офисными работниками.

Вполне обычные люди, а по меркам криминального района протектората – так вообще выглядят цивильно. Ну а то, что людей едят, так это особенности их культуры – невесело усмехнулся я.

– Всем привет. Меня зовут Драго Младич, и я новый хозяин Полигона. Мы с вами соседи, а с соседями, как известно, надо жить дружно...

Вдруг из собравшейся толпы раздался рев, и сразу два человека – один в неполном бронекостюме, второй в классическом костюме – только без галстука и босой, попытались броситься на меня. Вновь я осознал происходящее постфактум – потому что Войцех успел раньше: грохнула короткая очередь, и оба нападающих разделились на несколько кусков.

АЕК, в отличие от других видов оружия, в рамки гуманитарных конвенций не попадает. К тому же стреляем мы сейчас пулями, предназначенными для противников в бронекостюмах. Так что при попадании в обычное человеческое тело остаются вовсе не аккуратные дырочки входных отверстий.

В общем, после короткой очереди Войцеха два бесформенных тела одновременно упали на пол, и под каждым из них начала натекает приличных размеров лужа густой крови.

– ...с соседями, как известно, нужно жить дружно, – не моргнув глазом, продолжил я. – Но вчера вечером, ни с того ни с сего на меня напали и пытались убить бойцы вашего племени, находящиеся на службе у Карателей Легран. В результате нападения я догадался, что добрыми соседями мы уже не являемся. А значит, я должен вас рассматривать как врага...

Говоря, я сделал несколько шагов вдоль выстроившихся каннибалов.

– Олег, стой на месте, пожалуйста, – послышался в переговорнике голос Войцеха.

А, ну да. Я же ему сектора перекрываю, и, если кто бросится сейчас, он уже не только непосредственно нападающих остановит, а тут просека из тел возникнет. И метка, выставленная для меня для произнесения речи, не просто так...

Отдохнуть мне нужно, определенно. Котелок уже вообще не варит, элементарные к пониманию вещи просто ускользают.

Я, стараясь двигаться не слишком торопливо, вернулся на место и продолжил:

– У вас сейчас два варианта выбора. Первый: я понимаю, что вы – мои враги, и поступаю с вами соответственно. В этом случае пощады не будет никому, я просто уничтожу ваше племя. Второй – вы становитесь моими подданными, а после, возможно, и друзьями.

Выбирайте.

Некоторое время стояла тишина.

– Главный здесь кто?

На мой вопрос никто не ответил. Взгляды собравшихся указали мне на сухопарого чернокожего мужчину в пижаме, которого можно было считать главным. Но он в подобном определенно признаваться не хотел.

– Они в курсе твоих дипломатических методов, – сообщил мне Войцех.

«Чего?» – не сразу понял я, задав вопрос взглядом. А потом вспомнил бвана Ибову, и вдруг понял.

Закинув винтовку за плечо, я поднял руки в миролюбивом жесте.

– Я все сказал. Или вы остаетесь моими врагами, и все умираете. Либо же вы становитесь моими подданными и друзьями, и мы с вами живем дружно. Выбирайте. И... Абрам Сергеевич Либерман, – обернувшись, показал я на дядюшку Абрама, который уже пришел в здание. – Прошу любить и жаловать. Договаривайтесь с ним. Если не договоритесь, к переговорам придется вернуться мне.

Развернувшись, я вернулся к тому месту, откуда спрыгнул. Прошел, хрустя стеклом под подошвами, оценил показатели энергоблока, готовность систем костюма и чуть присел. А после подпрыгнул, одновременно на всю врубая компактные ракетные ускорители. Получилось – вернулся обратно на крышу.

Одновременно я услышал два комментария – на польском и на идише. Что сказано, не понял, но перевода и не требовалось – и Войцех, и дядюшка Абрам сообщили мне, что я в действиях не очень осмотрителен.

– Опасность – ничто. Имидж – все, – только и ответил я.

Ну да, риск был – если бы я не попал в выбитую ранее секцию, причем без шлема, вид я бы приобрел совершенно нетоварный. Но я же попал, все нормально закончилось. Победителей не судят, а наливают им шампанское.

Отправив Гека вниз, вновь занял место за пультом турели. Между делом дав команду через интерфейс на ввод стимуляторов – что-то адреналиновый отходняк подоспел, глаза уже понемногу слипаются и мысли путаются.

Долгая ночь получается – уже сколько всего произошло, и еще ничего не закончилось. Да и вообще как-то закрутился в калейдоскопе событий – постельная баталия с Доминикой, жертвоприношение Николетты, полет к Линдену, чудеса на виражах, захват базы каннибалов...

«Отдохнуть тебе надо, Юрий Венедиктович», – подсказал внутренний голос.

Я бы с радостью. Вот только некогда отдыхать – парировал я.

«Так на том свете тогда отдохнешь», – не стал сдавать позиции внутренний голос.

Напугал ежика голой жопой – только хмыкнул я. Был я уже на том свете... И чуть было не оказался там снова, уже навсегда – вспомнил я удар, бросивший меня недавно вперед на несколько метров.

Да, действительно надо отдохнуть. Настолько утомился, что разум как-то теряет пластичность, выискивая простые решения без сложных путей. И хорошо, что сегодня, когда я принимал решение, рядом был дядюшка Абрам. А если бы его не было?

Договорились с каннибалами, кстати, без меня быстро. И даже все формальности без меня уладили. По итогу переговоров Патрик О'Брайан занял место военного вождя племени (который трагически погиб, оказывается – именно он был одним из тех, кто на меня

бросился).

Кроме того, ко всеобщей народной радости Патрик брал в жены сразу обеих дочерей мирного вождя племени. Договор подтвердили в присутствии вызванного нотариуса, бракосочетание назначили на завтрашний вечер – как раз до заседания Колониального комитета, и после того, как я объявлю себя варлордом.

Пока шли переговоры, я успел сделать еще кое-что. После третьей перезагрузки костюма смог наконец добиться работы системы, пусть и в безопасном режиме, с надетым шлемом. И после этого спустился вниз. В поиске – и в одной из детских комнат нашел то, что мне было нужно: разноцветные фломастеры и листок бумаги.

Художник из меня не очень хороший, но требуемый рисунок я изобразил. Это был черный щит, в котором расположился крестом белый крест. И на этом кресте я нарисовал красного человека вниз головой. Листок аккуратно сложил, потом свернул и убрал в пустой контейнер из-под сгинувшего миниатюрного дрона-разведчика – из пяти только два вернулось. Потом подумал, достал лист и дописал снизу по-русски: «Брак – с народом!»

Чтобы уж наверняка.

Вернулся на крышу как раз к тому моменту, как над крышей завис прибывший с Мадагаскара конвертоплан. Двигалась машина медленно и аккуратно – и сообщение наше они получили, да и Гек на подлете включил захват цели. Восемь ракет в упор – без шансов, так что лишних движений не последовало.

Пилот конвертоплана Карателей сохранял спокойствие и приземлил машину по указаниям вышедшего в эфир дядюшки Абрама. Который представился по всей форме и попросил командира группы выйти одного и без оружия.

Командир прибывшей на переговоры группы Карателей оказался человеком. Невысокий чернобровый француз, похоже, гасконец, буравил меня внимательным взглядом темных глаз. Ему сложенный в несколько раз лист бумаги со своим корявым рисунком и отдал.

– Для Маши Легран. Не смотреть, передать быстро и лично, – только и сказал я, после чего жестом велел озадаченному быстротой переговоров карателю убираться с глаз.

Маша умная девушка, надеюсь, мои художества она прекрасно поймет.

На Полигон вернулись только утром. Причем не в полном составе – Патрик и дядюшка Абрам остались в здании института. Патрик разбирался со своими будущими подданными, а дядюшка Абрам – с найденной документацией и архивом племени. И, судя по его: «Да это – просто бомба!» нашел он весьма много полезного.

Вникать я даже не стал. Бомба и бомба, мне уже абсолютно индифферентно, я спать хочу. Единственное, что сделал в ту сторону – отправил к ним в Кигунгули Чумбу. При наличии рядом мутанта-бурбона не думаю, что у кого-то появятся мысли пересмотреть итог ночных переговоров, да и им наверняка будет спокойнее.

Когда снял и убрал в кейсы бронекостюм, решил пару текущих вопросов Полигона, солнце уже взошло. Времени поспать даже не осталось – только душ принять. У меня сейчас по расписанию первое занятие с Николеттой на гребаном острове, который специально для нас Доминика оборудовала и накрыла куполом, чтобы скрыть следы магического возмущения.

Вот не могла она организовать все это на денек позже, а?

Глаза слипались, ноги и мысли словно ватные. Хотелось мне сейчас только одного – лечь и поспать. Но человек разумный занял вершину пищевой пирамиды, потому что умеет пойти наперекор своим желанием. Поэтому, собрав волю в кулак, я отправился к Николетте «на работу». Пару часов, утренняя усталость пройдет и расхожусь – это всегда так работает.

Когда доехал до виллы Николетты, действительно стало полегче. Но зевал так, что казалось сейчас вывихну себе челюсть. К сожалению, моя прилежная ученица уже была готова.

Вот могла она проспять и пока собиралась бы, я бы полчаса покемарил?

Николетта, ожидая меня, стояла на крыльце. Легкое летнее платье, широкополая соломенная шляпа, пляжная сумка. Картину портил только большой баул с трилистником Некромикона – наверняка там корпоративная форма, по функционалу сходная с комбинезоном боевого мага.

Я, кстати, на Николетту немного засмотрелся. И вдруг почувствовал, как гелик во что-то врезался. По каменному скрежету почти сразу понял, что не повезло садовому вазону, который я сшиб с постамента скулой бампера.

Перепарковываться даже не стал, лениво. Апатия какая-то и в мыслях, и в теле.

– Прости, – сдерживая зевок, вылез я из машины. – Готова?

– Готова, – только и ответила Николетта, внимательно глядя на меня. Я, как джентльмен, подхватил ее баул, после чего мы с ней двинулись в сторону пристани.

Пока грузились в катер, Николетта молчала. Я тоже; мысли у меня, после ночной операции, причем сразу двух, путались. Очень хотелось кушать и совсем не хотелось кого-то учить. А самое что печальное, у меня с собой не было стимуляторов. Забыл. Не подумал.

В катере, легко режущим носом невысокую волну, я некоторое время сидел и рулил – причем довольно долгое время. Крутил руль, направляя нос по полоске на экране навигатора, пока не понял, что активирован автопилот. Впрочем, своей ошибки не показал, сделал вид, что так и задумано.

«Все под контролем, ручная работа».

Николетта, даже если и заметила происходящее, тактично сделал вид, что не заметила.

Откинувшись в кресле, я попытался поспать, но из-за волнения в кресле меня колбасило. Спать не получалось – сижу словно в едущем по плохой дороге автобусе, качает из стороны в сторону.

Пытка ожиданием прибытия продолжалась довольно долго, но удивительный вид немного сгладил впечатление от дороги: место для занятий Доминика нам предоставила в поистине райском месте. Небольшой, накрытый куполом безмолвия островок, голубая лагуна, окаймленная пляжем с белоснежным песком, яркая зелень сразу за линией пляжа, бунгало на берегу – все как с картинки туристического проспекта.

Припарковался я, вернее сам катер на автопилоте, на выдающейся далеко вперед от пляжа пристани.

– Так, мы, наверное, сразу... – когда сошли на берег начал я говорить, осматриваясь.

– Ты завтракал?

– Да, давай найдем место для занятий...

А я завтракал? Нет, я не завтракал. А если позавтракать, может, мысли чуть пободрее начнут шевелиться?

Николетта остановилась и долгим взглядом посмотрел на меня.

– Нет, я не завтракал, но если здесь есть кофемашина, то я бы не отказался...

Не дожидаясь окончания фразы, Николетта подошла ближе. Почти вплотную. Вырвав у меня свой баул, она бросила его на доски пирса. После схватила меня за руку и, развернувшись, уверенно зашагала к бунгалу, потянув за собой.

– Пошли.

– Куда?

– Знаю я тут одно место с замечательной кофемашиной, – произнесла Николетта, вызвав своей фразой у меня совершенно противоречивые чувства.

Пока я вспоминал старый мир, эхо которого прозвучало в воспоминаниях фразой «...знаю я тут одно место с офигенными циркулями», Николетта привела меня в бунгало. Прямо в спальню. И подвела прямо к огромной, поистине королевской размера кровати, застеленной белоснежным бельем.

– Ложись, – подвела Николетта меня к кровати.

– Но... нам нужно сегодня изучить ранги одаренных...

– Раздевайся и ложись. Ранги подождут. Весь мир подождет. Ты выглядишь как зомби, даже не спорь.

Противиться я не стал – потому что при одной мысли о том, что прямо сейчас я могу поспать, в ногах появилась слабость, а на плечах ощутил всю тяжесть нависающей сверху атмосферы.

Когда, сбросив костюм городского охотника, закрыл глаза и рухнул на кровать (в такой последовательности), почувствовал, как Николетта накрыла меня тонкой простыней и поцеловала. А может, мне это уже приснилось.

Хм. А почему я не дома?

Открыв глаза, некоторое время я просто лежал и всматривался в потолок бунгало. После повернул голову на подушке, посмотрев сначала вправо, потом влево. И задержался взглядом: через прозрачные, едва трепещущие занавески, огораживающие выход на террасу, хорошо было видно райский пляж.

В комнату проникал солнечный свет, но жарко мне не было. Вокруг приятная и комфортная прохлада, которую обеспечивает климат-контроль. И это хорошо – за окном уже ближе к полудню, и под прямыми солнечными лучами можно расплавиться. Если бы я спал в комнате без климат-контроля, проснулся бы сейчас ватным, потным и совершенно разбитым. Зато сейчас... чувствую себя отдохнувшим, большое спасибо Николетте за это.

Я свеж, бодр и смело готов к новым свершениям. И это не шутка. Более того, стоило банально отдохнуть, и я словно начал смотреть на окружающий мир шире, будто постигнув новую ступень восприятия.

«Я люблю тебя, Жизнь, и надеюсь, что это взаимно!» – мог бы повторить я следом за поэтом, но не стал. Так все хрупко, лучше не давать повода мирозданию испортить себе настроение. Конечно, я совершенно, абсолютно не суеверен, но через плечо поплевать мне никогда сложно не было. Особенно когда знаешь, что карма...

Воу-оу, ну-ка стоп – остановил я поток мыслей.

Карма.

– Это же, – в картинке воспоминаний широким взмахом показал на сонм лиц фон Колер: – Все те, кто решил отказаться от изучения темных искусств. И все они погибли не больше, чем через девяносто дней после принятого решения.

А я ведь, как ни крути, от темных искусств отказался.

Фон Колер тогда сказал «в течение». Астерот мне тоже сказал, что «в течение». В течение полугода я, по его замыслу, должен стать одним из влиятельных лиц в корпорации Некромикон. Вопрос. Попадаю я под правила кармы, нагоняющей элиминированных дар одержимых, или нет?

«Подожди немного, и в твоём доме будет играть музыка, но ты ее не услышишь», – с узнаваемыми интонациями киноцитаты подсказал внутренний голос.

– Ну вот что ты опять начинаешь, так хорошо ж сидели, – недовольно пробормотал я себе под нос, отвечая назойливым и неприятным мыслям.

И вдруг как-то... легче сразу стало. Да и действительно, чему быть, тому не миновать. Работа не волк, в лес не убежит. Не стоит у меня сегодня на работу, а стоял, имел бы я ее...

Так, ладно, это уже немного из другой оперы.

Вновь устремив взгляд в потолок, широко, до слез в глазах, зевнул. Зажмурился и, не открывая глаз, пошарил по столику рядом с кроватью и нащупал ассистант. Еще раз широко зевнул и посмотрел на экран краем глаза – сообщений нет. В смысле срочных сообщений. Так-то, проходящих без звукового оповещения, писем выкатился целый список. Скользнув взглядом по первым строчкам и темам, только вздохнул. Как всего много.

Начал проглядывать сообщения сверху простыни, читая уже не первичные и предварительные запросы, информирования и попытки согласований, а сами, собственно, результаты деятельности моей команды. Деятельности всех тех, кто остался на Полигоне и в

Кигунгули, когда я после захвата базы каннибалов по важным и срочным делам отбыл в бунгало, чтобы поспать.

Так-так-так, ну и что они там все без меня наделали?

В первую очередь, мне открылся список приказов, весьма странных. К примеру, найм ЧВК «Барбарянс» для охраны грузового порта и прилегающих территорий, планируемая встреча с полицейским руководством района...

Это вообще про что? А, вот про что – нашел я основоопределяющее сообщение: собравшийся рано утром на внеочередное заседание совет директоров грузового порта «Кигунгули» утвердил Абрама Сергеевича Либермана временно исполняющего обязанности генерального директора.

Хм. Вспомнился дядюшка Абрам, который на выходе из института пытался мне что-то втолковать, рассказывая о найденной в документах племени самой настоящей бомбе. Ну да, рвануло так рвануло – аж рано утром все правление собралось. Что там такое нашлось, что за пару часов дядюшка Абрам стал главным человеком в порту?

В принципе, я догадываюсь что. Не зря же сюда, на Занзибар, Скрипач переехал после нашего с Самантой вояжа на его африканское сафари. Здесь ведь довольно интересное место, и здесь – как ранее в Высоком Граде, сходится очень много самых разных интересов, не подпадающих под нормы законов и общечеловеческой морали. А порт в таком месте – определенно точка фокуса.

Наверняка дядюшка Абрам раскопал какой-то аналог Восточного кулинарного клуба, что позволило ему сразу взять руководство порта за нежные и уязвимые места. Так что они не то что кашлянуть, моргнуть теперь боятся – будут делать все, что он пожелает. Дядюшка Абрам, кстати, желал узнать, не хочу ли я стать и.о. директора? Нет, спасибо, кушайте сами, у вас прекрасно без меня все получается – быстро ответил я ему.

Сам заварил, сам пусть и разбирается, мне и здесь хорошо.

Ну и да, оперативность его действий просто поражает – старый еврей действительно из тех людей, с которым лучше не связываться. Интересно, если он настолько хорош, почему таксистом в Полесье работал? Для души? Хм, почему бы и нет. Я вот, в прошлой жизни, тоже пару раз для души в ночь выезжал, было время... Правда, когда мне приятная на первый взгляд и почти трезвая юная сударыня заднее сиденье и бардачок пассажирской двери щедро заблевала, практику я эту прекратил.

Следующей важной новостью шло сообщение, что совет племени Гамамбилу утвердил Патрика О'Брайана единственным вождем племени, после того как «мирный вождь» сложил с себя все полномочия. Интересно, с чего бы? Вроде по-другому договаривались... Но сложил, так сложил. Так, еще пара подписанных приказов – тоже о сложении полномочий, только уже членами совета директоров порта... Они там что вообще, полностью революцию решили сделать? Долой министров-капиталистов, Занзибар будет свободным! А не, не будет – тут же в правлении назначена Жаклин Петреску, причем с совмещением двух должностей.

Короче, ладно, будь что будет, я верю в дядюшку Абрама.

Воу, еще одна новость: заместитель начальника полиции Джанктауна Вальдуш Дрозд трагически погиб в результате несчастного случая. Войцех не простил, значит. Ну да, одно дело подрядить таскать каштаны из огня, совсем другое – подвести под монастырь, куда нас Вальдуш и вел. Погиб он, кстати, поскользнувшись на кафеле в ванной и замотавшись в занавеске, которая его удушила.

Ужасно, просто ужасно.

Так, что еще... закончен монтаж и подключение десяти премиум-капсул для первой команды Полигона; получено приглашение на прием в городскую администрацию на торжественный обед в общество Красного Креста, есть сразу четыре запроса от репортеров на интервью... Это пусть Гек, это пусть Гек, это пусть Гек, и это пусть тоже Гек решает – смахнул я всю эту выборку.

Вдруг подумал о том, что заварившуюся кашу уже не остановить, воскликнув: «Горшочек, не вари!» В результате порадовался, что вся команда справляется без меня. С одной стороны. С другой – все то, что я говорил Войцеху и дядюшке Абраму недавно об эвакуации, уже неактуально. Все, коготок увяз, просто так теперь никому из нас отсюда не уйти.

Положив ассистант на место и закрыв глаза, откинулся обратно на подушку. Блаженно потянувшись, позволил себе долго, очень долго – не меньше минуты, просто ни о чем не думать. Погрузился обратно в полудрему еще не до конца ушедшего сна.

Никто меня не тормозил, никому прямо сейчас я не нужен, просто лепота.

Позволив себе отдохнуть душой и разумом, все же впустил в сознание воспоминания вчерашнего дня и планы дня сегодняшнего, после чего соскочил с кровати.

Осмотрелся. Еще раз осмотрелся, рассматривая уже не обстановку, а разглядывая сдержанно отсвечивающую пламенем татуировку на плече. Выглядит, конечно, не так огненно, как после появления, и вполне может пойти за живую татуировку. Но все равно знающим магию людям лучше не показывать.

Обошел все комнаты. В бунгало никого не было, но на столе меня ожидал легкий завтрак. Перехватив остывшую яичницу с беконом, пару фруктов и запив все это дело соком, выглянул в окно. Николетту заметил сразу – девушка загорала поодаль на песке, рядом с линией воды. Судя по влажным волосам, недавно купалась. А судя по белой коже, загорать она позволяет себе нечасто. Хм, интересно, не опасно ли ей так загорать с такой белой кожей? Как бы к вечеру она страдать не начала...

Николетта лежала на животе, прямо на песке, игнорируя шезлонг и полотенце. Она читала книгу, изящно изогнув спину и болтая в воздухе ногами. Лежала ногами к воде и головой ко мне, опираясь на локти. Девушка, судя по всему, так погрузилась в чтение, что я практически не чувствовал ее эмоций. И не ощущал ее внимания – похоже, и она меня, мой взгляд, еще не почувствовала.

Поняв, что задержал изучающий взгляд на Николетте (очень уж ракурс волнующий) больше, чем нужно, отвернулся от окна. Ну, отвернулся бы вернее, если бы она в этот момент не поднялась. Загорала Николетта топлес. И едва оказавшись на ногах, потянулась к небу, навстречу солнечным лучам. Зажмурившись, она широко расставила руки и даже приподнялась на цыпочки.

Очень, надо сказать, интересное зрелище получилось.

Замерев на несколько секунд, Николетта встряхнула влажными волосами, взъерошив их, и опустила взгляд вниз. Внимательно рассматривая свою небольшую грудь, она выборочно стряхнула с нее прилипшие песчинки. После чего развернулась и легким шагом довольного жизнью человека направилась к воде. Купаться.

Выдохнув, я наконец отошел от окна. В прет-а-порте принтере, так кстати здесь оказавшемся, напечатал себе серферские шорты. Выйдя из бунгало, постоял на крыльце некоторое время, глядя на купающуюся Николетту. Она, заметив меня, приветливо помахала рукой, приглашая составить компанию.

Песок на пляже пусть и белый, но уже горячий – и быстрым шагом преодолев полосу пляжа, я забежал в воду. Нырнул, проплыл несколько метров под водой – с открытыми глазами наблюдая блики солнца сверху и идеальное дно. И не менее идеальную Nicolette: она нырнула мне навстречу. Так, что мы сейчас, под водой, оказались лицом к лицу, почти столкнувшись.

Поймав ее руки, я поднялся на ноги. Здесь было неглубоко – по грудь. Поднялась и Nicolette – мы оказались с ней близко, вплотную. Руки невольно легли девушке на талию, лицо ее оказалось совсем рядом. Nicolette доверчиво прижалась и, закрыв глаза, потянулась вперед, к неизбежному поцелую.

Неизбежному, но несостоявшемуся – я уклонился, и мы просто обнялись. И вот тут Nicolette наконец не выдержала; все защитные барьеры сломались – я снова читал ее, как открытую книгу.

Уже чувствуя и понимая, что в момент, когда я любовался ею из окна бунгало, Nicolette прекрасно чувствовала мое внимание. Просто хорошо это скрыла. И решила сделать все здесь и сейчас, выполняя задание Доминики. Якобы выполняя задание Доминики – я же сам сказал Nicolette об этом: выполнять все задания сеньоры Романо, если я не говорю обратного.

Nicolette сейчас, чувствуя, что ей не удастся скрыть мысли и эмоции, просто готова была и сгореть, и провалиться сквозь землю от неловкого смущения. Только из-за того, чтобы не посмотреть мне в глаза, она еще крепче прижималась, ткнувшись мне в плечо и зажмурившись от стыда.

Но, как и в прошлые разы, мое совершенное спокойствие постепенно помогло успокоиться и ей. Так некоторое время и стояли, слушая эмоции друг друга.

– Почему? – негромко произнесла Nicolette.

– У меня есть невеста, ты же знаешь.

– Но Доминику ты ведь трахаешь.

– Это другое.

– Это другое?! – и в голосе, и в чувствах Nicolette сквозила нескрываемая и горькая обида.

– Да, это другое. Доминика мне безразлична, в отличие от тебя.

– Конечно-конечно, рассказывай. Я видела, как ты на нее смотрел.

– Как я на нее смотрел?

– С вожделением.

– Я и на пасту-карбонару, и на тальятелле с креветками, и на шашлык смотрю с вожделением. Не говоря уже о шаверме. Понимаешь, о чем я?

– То есть я не шашлык, – все еще терзаемая горькой обидой, произнесла Nicolette.

– Мне сложно выразить это словами... Но ты ведь сама все понимаешь.

Nicolette вдруг совершенно и полностью успокоилась. Настолько успокоилась – на контрасте с бушующей только что бурей эмоций, что я даже удивился. В то же время у нее появилось желание мне что-то сказать. Неукротимое желание, которое она все же сдерживала.

– Говори, не молчи, – подтолкнул ее я.

– Ты все равно будешь моим, – не удержалась Nicolette.

– Я твоим?

– Или я буду твоей, если тебе так больше нравится.

– Вообще-то непринципиально. Но... откуда такая уверенность?

– Богиня сказала. Нам суждено быть вместе, отныне и вовеки веков, – произнесла Николетта и тут же добавила, отстраняясь: – Не оборачивайся пока, мне надо одеться.

Смотреть, как она возвращается на берег, я не стал. С места нырнул и поплыл в сторону границы купола безмятежности. Полежав в мягкой воде южного океана, вернулся на берег. Николетта уже устроилась под навесом, еще и облачившись в длинную хлопковую рубашку. Ну да, не зря я удивлялся ее смелости, когда она лежала, загорая.

Сейчас девушка уже не выстраивала никакой композиции, вела себя совершенно естественно, не пытаясь закрывать собственные эмоции. Жестом предложила мне освежающий лимонад, от которого я не отказался. И, немного обсохнув, завалился на горячий песок рядом с Николеттой. Не в тени, подставив лицо яркому солнцу. Я, черт возьми, на юге уже сколько времени нахожусь, и ни разу на пляж не выбрался позагорать до этого момента. Неправильно это, исправлять надо.

Через некоторое время Николетта, видя, что я не собираюсь уходить из-под прямых лучей солнца, взяла крем для загара и принялась меня натирать. Медленно, с толком и расстановкой, избегая касаться живой стихийной татуировки.

– Давай на спину, – потянула меня Николетта, после чего намазала кремом от загара мне спину и плечи.

– Тебе?

– Нет, спасибо, – внешне спокойно, но внутренне с целой бурей эмоций ответила Николетта. Вновь на первый план вышло смущение и стыд, но справляясь с ними, Николетта вдруг направила мысли в другую сторону, сжав мою руку.

Спокойствие. Уверенность. Удовлетворение. Задавленный и подавленный, но никуда не ушедший страх.

Я сейчас ощущал ее эмоции и мироощущение, которое изменилось после того, как Доминика пыталась ее подчинить. Да, страх у Николетты никуда не ушел, но к нему добавилась уверенность. И меня это, если честно, радовало. Пусть даже уверенность в ней живет только тогда, когда я рядом.

И я вдруг понял, что она хочет, но не может сказать вслух: пока я рядом, ей спокойно, и она чувствует себя в безопасности.

«Мы в ответе за тех, кого приручили».

– Все будет хорошо. Не волнуйся, – просто сказал я Николетте.

– Обещаешь?

– Да.

– Хорошо.

Следующие пара часов оказались самыми безмятежными за очень и очень долгое время. Мы еще несколько раз искупались, загорали, пили безалкогольные коктейли, играли в пляжный волейбол и просто дурачились, словно забыв обо всем. Да, кремом от загара Николетту я все-таки намазал.

Ближе к обеду, когда солнце начало уже припекать по-взрослому, перешли в бунгало. Быстро приняв душ, я переоделся в рабочую корпоративную форму. В такую же, кстати, оделась и Николетта. Так что мы сейчас напоминали двух агентов в неподходящих декорациях.

Впрочем, подходящие декорации нашлись. Место для обучения было подготовлено: в бунгало обнаружилось помещение без окон, с большим столом с рабочей областью и

интерактивными экранами, куда можно было выводить справочные материалы. Несколько движений в меню настроек визуализации окружения, и вот мы уже в безликой комнате, которая ничем не отличается от рабочих помещений небоскреба, оформленных в корпоративном стиле.

Немного посидели в молчании, словно выключаясь от яркой реальности за границей кабинета, и переходя в рабочее состояние.

– Готова?

– Всегда готова, – кивнула Николетта.

– Поехали тогда, – активировал я рабочую область на столешнице.

И начал со входа в глубинную Сеть. Вводный урок в основы элементарной магии на словах объяснять мне совершенно не хотелось, поэтому я зашел на одно из зеркал сайта «охотников за магами». И, используя одноразовый пароль, скачал нужные мне для лекции файлы.

Сайт со столь одиозным названием был создан студиями-одаренными и функционировал уже более полувека. Это было собрание шпаргалок для обучающихся первого-второго года, и большинство тех, кто сейчас занимался цензурой в Сети, сами когда-то пользовались, да и продолжали пользоваться этим сайтом.

Скачанные файлы я прогнал через систему защиты, после чего открыл, активировал первую проекцию.

– Роза Владения, – показал я Николетте на появившуюся на столешнице шестнадцатилучевую звезду, которая пока была черно-белого цвета. – Огонь, Вода, Земля, Воздух. Жизнь, Смерть, Свет, Тьма... – начал я перечислять, указывая на каждый луч. Не по часовой стрелке показывая, а в шахматном порядке, перепрыгивая с одного луча звезды на другой, в противоположностях.

Одновременно моим касаниям каждый луч расцветал собственным цветом. Перечисляя стихии, наблюдая за игрой света звезды, я вдруг запнулся, почувствовав у Николетты невысказанный вопрос.

Как просто общаться, когда нет эмоциональной связи. Рассказываешь себе и рассказываешь, а собеседник молча и внимательно слушает. Но я сейчас очень отчетливо почувствовал интерес Николетты, ее желание спросить и невозможность из-за этого полностью сконцентрироваться.

– В чем дело?

– Огонь, Тьма, Земля, Жизнь, Вода, Свет, Воздух... – последовательно показала на крупные лучи звезды Николетта, игнорируя более тонкие. – Они по размеру больше, чем эти. Это значит, что эти стихии самые сильные?

– Нет. Это уже особо ничего не значит. Эта схема составлялась лет пятьдесят назад, и с того времени не менялась. Но какое-то время да, считалось, что адепты Элементарной магии сильнее адептов магии Универсальной. Пока это утверждение не было опровергнуто.

– Адепты Универсальной магии сильнее?

– Все зависит от ранга и уровня умения одаренного, – покачал я головой, и в пару жестов привел Розу Владения в иной вид отображения: теперь все шестнадцать лучей были одинакового размера. – На самом деле, слишком мало людей прошли до конца пути, так что репрезентативной выборки не получится. И с категоричной уверенностью что-то о магии может утверждать лишь незнающий человек. Встретишь такого, сразу гони в шею.

– Поняла, – кивнула Николетта.

– Так, а на чем я остановился?

– Огонь, Вода, Земля, Воздух. Жизнь, Смерть, Свет, Тьма... – начала перечислять Николетта, показывая на вершины лучей, повторяя недавно озвученную мною последовательность.

– Ах да, базовые пути. И универсальные: Душа, Дух, Кровь, Флора, Фауна, она же Подчинение, и Астрал, – вернув Розу Владения в привычный вид, показал я по оставшимся тонким лучам.

– А эти? – указала на два неназванных тонких луча Николетта.

– Пустые элементы, как в таблице Менделеева, – усмехнулся я.

– В таблице Менделеева же нет пустых элементов.

Здесь в его таблице пустых элементов нет? Надо же.

– Были. Не суть, – только отмахнулся я. – Теперь, еще, чтобы ты понимала. Это... – указал я на Розу Владения – это... так скажем, очень примерная модель. Магия с людьми чуть больше сотни лет, и до сих пор эта тема, тема классификации Магии, скорее неизвестна, чем известна. У каждой из владеющей страны в Большой Четверке есть своя классификация и своя модель. Роза Владения же... она официально не признана ни в одной системе обучения, но ее мало того, что используют довольно часто, так и изучают везде параллельно с утвержденной программой.

– А по какой модели учился ты?

– Как раз по ней. Личный наставник систему магии и рангов объяснял мне именно по этой модели.

– Личный наставник? – внимательно посмотрела на меня Николетта.

Очень даже внимательно.

– Эм. Да, а что?

– Ты не тот, за кого себя выдаешь. Максим Аверьянов, член клана Власовых, жил и учился в Елисаветграде, и получал образование в Елисаветградской гимназии имени барона Александра Витгефта, с первого по третий год обучения. Никаких личных наставников у него не было.

«Да блин», – только мысленно и сказал я.

– Да, ты многого обо мне не знаешь.

– Тебя и не Массимо зовут?

– Да меня как только не зовут.

– Но можно, я буду называть тебя Массимо?

«Можно Машку за ляжку, боец», – тут же ввернул внутренний голос.

– Не можно, а нужно, – улыбнулся я. – Ладно, вернемся к...

– А ты мне расскажешь... – замялась Николетта.

– Расскажу что?

– Ты расскажешь, что ты такой? Настоящий?

– Обязательно. Но потом.

– Когда?

– Когда придет время, это же очевидно, – на пару мгновений почувствовал я себя Астеротом.

– Хорошо. Я вся внимание.

– А... мм... а на чем я остановился?

– Непризнанная модель обучения владения даром и классификация системы магии и

рангов, изучаемая параллельно с...

– Ах да. Смотри, смысл в чем...

Чуть приподняв над столом проекцию Розы Владения, я ее раскрыл. Раскрыл, потому что объемный интерактивный элемент состоял из трех, словно положенных друг на друга звезд. Которые сейчас из одного цельного рисунка образовали сразу три уровня.

Первые две, верхние звезды, были одинаковые по размеру. Четырехлучевая Элементарная звезда: Вода-Огонь-Воздух-Земля, и также четырехлучевая звезда Происхождения: Свет-Тьма-Жизнь-Смерть.

Третья звезда, самая нижняя, была восьмилучевой, Универсальной. Ее восемь лучей были тоньше, чем у других звезд – чтобы при наложении трех звезд друг на друга получалась видимая фигура. Лучи Универсальной звезды символизировали Кровь, Астрал, Душу, Дух, Флору и Фауну (называемую иногда Подчинением), а также два не идентифицированных пока направления.

– Теперь внимание. Все, что я сейчас говорю, может не соответствовать действительности. Потому что человечество на пути изучения Магии совсем недавно. А путь к успеху, как известно, это не прямая дорога, а извилистая тропа от неудачи к неудаче. Ошибок на пути освоения Магии было сделано великое множество, можешь в этом не сомневаться, так что...

Тут я вспомнил Марьяну Альбертовну, которая, достигнув одного из самых высших возможных рангов на выбранном пути, оказалась несостоятельной в мощи и умении по сравнению с другими одаренными, достигнувшими подобного уровня.

– ...так что любое знание ни в коем случае не воспринимай как догмат. Это тупиковый путь. К примеру: долгое время, около пятидесяти лет, считалось, что Элементарные пути ведут в большему силе и могуществу, чем пути Универсальные... что?

– А Происхождение? – показала Николетта на звезду со Светом, Тьмой, Жизнью и Смертью.

– А что Происхождение?

– Ты сказал, что есть элементарные пути, а есть универсальные. А Происхождение?

– Аа... Происхождение... – замялся я.

Об этом – о том, что Николетта сейчас самый настоящий чистый лист, *tabula rasa*, я как-то забыл. Хотя сам недавно был в таком же состоянии. Да и сейчас, если честно, не слишком далеко в знаниях ушел.

Подумал, как объяснить Николетте в двух словах. Потом подумал, как объяснить в трех словах. И понял, что даже в четырех словах объяснить никак не получится.

– Пока отложи в сторонку все что я сказал. Начнем с истоков.

На столешнице, повинаясь моим командам в виртуальном меню, появился силуэт человека. Почти в полную величину, встав в самом центре сложенных звезд Розы Владения, которая сейчас снова стала неактивной, черно-белой.

– *Homo sapiens*, – представил я силуэт Николетте. – Физическая форма. Обычный, так скажем, человек.

Продолжая показывать, я активировал функции меню, и полупрозрачный манекен наполнила сетка темно-красных линий, а в груди сформировалось плотное свечение.

– А вот это уже необычный человек. Вот это, – показал я на сетку линий, – энергетические каналы. – А вот это, – показал я на плотное свечение в груди, – психоэнергетический центр физического тела, если по-научному. Средоточие силы. Или еще,

как его ошибочно называют, Источник.

– Ошибочно?

– Неточность в определениях возникла оттого, что положения и определения Стихийного пакта составляли люди, от магии в большинстве своем далекие. Чиновники, не одаренные. Ну, в принципе, ничего нового, обычно так всегда все и происходит. Ошибочно же Источник назван потому, что обычно реки впадают в океан, а не вытекают из него. А активация Источника позволяет принимать в себя потоки стихийной энергии, а не отдавать их. Понимаешь разницу?

Разницу Nicolette понимала.

Дав некоторое время ей рассмотреть изображение-макет человека одаренного, я подтянул ближе меню управления проекцией Розы Владения, выводя ее из спящего режима. Некоторое время две проекции интегрировались друг с другом, после чего мигнули, объединяясь. Проверая, я покрутил звезду под манекеном, глядя на сияние разных путей – все работает.

– Итак. Итак...

Сложно было подбирать слова, чтобы за сжатое время объяснить весь путь элементарной магии.

– Итак, с самого начала. Четыре основные стихии. Четыре элемента – Земля, Вода, Воздух, Огонь. Четыре базовых элемента, давших название Элементарной школе магии. Первые описанные и классифицированные четыре элемента, ставшие доступными к освоению Владелящим. Вставшим на, как это называется, Путь Элементов. Путь Элементарной магии, или элементарный путь, как его сейчас называют. Но!

Подняв палец, я даже паузу сделал и активировал лазурное сияние вокруг манекена.

– Самый главный и упускаемый многими момент. Сейчас ты видишь перед собой квинтэссенцию и базис Элементарной магии: пятый элемент. Эфир. Он же Лазурь, он же Азур, он же – по-научному, биополе человека. Или, попросту говоря, человеческая душа. И именно мутация, можно даже так сказать, души – наличие в ней превышающей средние значения доли Эфира, Пятого элемента, Лазури, Азура, отличия биополя, делает возможным для человека разумного владеть даром.

– Одаренные – мутанты?

– Следующая модель эволюции. Называй как хочешь, суть не меняется.

– Спасибо, звучит действительно красивее.

За что спасибо?

А, ну да, она же теперь тоже одаренная. Кому понравится считать себя мутантом? Зато следующая ступень эволюции – это звучит гордо.

– Пожалуйста. Итак, одаренные, после активации Источника... именно после активации Источника, не после его Инициации, запомни, это важно, могут работать со стихиями. А именно – черпать энергию стихий из мира. Запоминай: сила стихийного мага – это размер энергии, которую он может сохранить и усвоить для использования. Запомнила?

– Сила стихийного мага – это размер энергии, которую он может сохранить и усвоить для использования, – повторила Nicolette.

– После активации Источника, как правило, это происходит в самом раннем детстве, владеющий элементарной магией одаренный может взаимодействовать со стихийной силой. С любой стихийной силой, доступной ему в данный момент. Если очень грубо – он становится энергетическим сосудом.

– Почему это грубо?

– Насколько глубоко и широко может принять в себя энергию этот сосуд, настолько и будет велика сила одаренного. Это факт, но некоторые одаренные из Элементарной школы его интерпретируют в меру своей испорченности и часто обижаются, вплоть до дуэли. Особенно если интонациями позволить себе выделить намек на широту и глубину, размер, диаметр и прочее сосуда.

– Ясно. Подожди...

– Жду.

– То есть до инициации Источника, до пятнадцати лет, одаренные могут оперировать всеми стихиями?

– Теоретически.

– А практически?

– Если кто-то так и делает, я об этом не знаю.

– Но это возможно?

– Еще раз, повторю: человечество на пути изучения Магии совсем недавно. И движется не по прямой дороге, а по извилистой тропе от неудачи к неудаче. Ошибок на пути освоения Магии было сделано великое множество. Сейчас, через сто лет после файербола герцогини фон Валленштайн, во всех странах пришли к тому, что ребенок после активации Источника касается только одной стихии. Пробовали развиваться во всех, но ничем хорошим это не закончилось. Несколько человек даже погибли во время Инициации.

– В чем заключается Инициация?

– Ты иницируешься в одной стихии, отвергая другие.

Зацепив макет человека одаренного, я потянул его чуть вперед, перемещая – так, что он продвинулся, становясь на луч звезды «Огонь». Лазурная аура души сразу поменяла цвет на красно-оранжевый, цвет пламени.

– В мире есть десятки, а может даже сотни одаренных, что достигли доступных человеку вершин владения, максимальных на данный момент, но при этом силой уступают простым середнячкам. Освоение магии – это всего одна попытка и один путь. Путь, длиной в целую жизнь. Любой поворот не туда может завести в глухой тупик. И...

Так, стоп.

Вот оно... Эмили Дамьен, глава Дома Лаллен. Что, если...

Озарение пришло настоящей вспышкой. Что если создаваемый многоголовым монстром корпораций homo bionicus – это продукт как раз таких, вчерашних владык мира, кого на повороте обходит более способная молодежь? Что если это следующая ступень эволюции, которую они же сами и хотят занять?

«Этот мир будет принадлежать нашему поколению», – говорила мне Ольга, и говорила не один раз. А если старшее поколение не хочет отдавать силу и власть? Кто вообще в здравом уме пойдет на это? Дорогу молодым, страны завтрашнего дня – это все отмазки в пользу бедных. Идиотов в мире сильных нет, самостоятельно никто с властью не расстается. Планы завтрашнего дня в завтрашнем дне навсегда и останутся, а реальность определяет день сегодняшний.

Никто из одаренных не умер своей смертью. И вся старая аристократия, которая правила этим миром, просто через десяток лет отойдет в сторону и отдаст власть? Держите, ребята, вы молодые, вы сильнее, вас больше, а мы, кхе-кхе, пойдем на пенсию, в крикет поиграем...

Не смешно даже. Если появление магии, как я только что сам сказал, мутация души, то

почему-бы не продолжить...

– Массимо? – осторожно позвала Николетта.

– Ах да, прости, – отогнал я мысли озарения. – На чем я остановился?

– Ты хотел мне сказать, что я самая прекрасная девушка на свете, – быстро произнесла

Николетта и, моментально покраснев, спрятала взгляд.

«Я перед тобой только что обнаженная красовалась завлекательно, чего мне теперь стесняться», – сказали мне ее мысли, чувства и эмоции.

– Да, поспорить с этим будет непросто, – начал было я, думая, как бы ответить на это помягче – и не отрицая, и не соглашаясь.

Мне с Самантой проблемы не нужны, я себе не враг. Но Николетта умная девушка, помогла мне сама:

– До моего вопроса ты озвучивал связь величины внутреннего резерва от прочности энергетического каркаса...

– Да. Энергетический каркас, как ты видишь, расположен по всему телу, затрагивая в большинстве все органы, в первую очередь – глаза.

Я сделал паузу. Мне вдруг стало интересно, догадается Николетта или нет. Она это почувствовала и задумалась, рассматривая проекцию одаренного.

– Вспомни особенности своего взросления и попробуй сделать из этого вывод, – помог я ей.

– Если сила одаренного зависит от прочности энергетического каркаса, получается... это причина того, что одаренные не пользуются имплантами, которые прочность каркаса нарушают?

– Умничка, я в тебе не сомневался. И именно поэтому ты росла в чистом состоянии. Как настоящий представитель старой аристократии, не используя никаких усовершенствований организма, не говоря уже о нейросетях. Так, ладно, элементарную суть ты поняла. Теперь рассмотрим интересующий тебя путь Происхождения, – я чуть отвел назад манекен и повернул его, так что с направления развития Огонь он сдвинулся в сторону Жизни. И тут же оранжевая аура души сменилась аурой зеленой.

– В Происхождении два пути, на которые можно встать самостоятельно. Это Жизнь и Смерть – Лечение и Некромантия. На этих двух путях, в отличие от путей элементарных, не так важен потенциальный размер Источника, поэтому их часто выбирают грязные дети...

– Грязные?

Черт. Ну да, табула раса же.

– У любой одаренной женщины наиболее сильный лишь первый ребенок. Остальные могут рождаться даже вообще без силы. Именно поэтому каждый второй и последующий ребенок появляется в результате так называемого тройного оплодотворения через митохондриальную ДНК. Это генетическая коррекция, гарантирующая дар владения, но при этом ограничивающая его лишь шестым рангом владения.

– Так это получается, что одаренным в перспективе грозит стагнация и даже вымирание?

– Нет. Правило первенца относится только к женщинам. Не к мужчинам. Поэтому вырождение одаренным не грозит.

– Почему? Не очень понимаю.

– Соотношение мужчин и женщин по статистике – один к четырем. Но по факту среди одаренных соотношение еще меньше, потому что война по традиции забирает мужчин

больше, чем женщин. И в данной ситуации, когда есть ограничивающее женщин правило первенца, не действующее на мужчин... Дальше объяснять нужно?

– Полигамия?

– Ну... неофициально во всем мире, официально у атлантов.

– Поняла. Это ведь серьезная проблема, – задумчиво произнесла Николетта. – Но я о ней даже не слышала.

– Еще бы. Об этом вообще мало говорится в общественном пространстве. Тот же, кто об этом говорит, не среди своих, долго не живет. Среди своих же... выгодные партии разбираются еще до рождения. И ситуация, особенно в национальных кланах такова, что если первенец не похож на мужа, муж как правило вопросов насчет этого не задает. Потому что первенцы генетической коррекции не подвергаются. Я сам немного насчет этого знаю, но сила первенца зависит от потенциального ранга отца, а не матери, чистота происхождения которой...

Тут я замолчал.

– Массимо... – отвлекла меня от раздумий Николетта.

– Ах да. И чистота происхождения значения не имеет...

Я снова запнулся, погрузившись в мысли.

Чистота происхождения. Школа Происхождения.

Очень часто, отвечая на вопросы, сам получаешь удивительные ответы. Расцвет школ Происхождения и появление универсальных школ началось после того, как начались эксперименты по генетике и евгеники. До этого все одаренные могли оперировать только элементарными стихиями.

Это важно. Надо запомнить и подумать над этим на досуге.

– Да-да. О чем я? А, вспомнил...

Вернувшись вниманием к манекену, я вернул его в центр звезды. Так, что зеленое поле эфира перекрасилось обратно в лазурь, а чуть погодя наравне с ним тело обьяла серая аура.

– Астральный план, – пояснил я для Николетты. – Кроме идущих по традиционным элементарным и универсальным путям, есть еще те, кто встают на путь Света и Тьмы. Их называют одержимыми, или озаренными. Они – суть одаренные, но не до конца принадлежащие этому миру. И одержимые, и озаренные могут пользоваться стихиями, но с ограничениями...

Тут я замялся, но про исключения в виде себя и Николаева говорить все же не стал. Рано еще Николетте такие вещи знать.

– Но с ограничениями, – повторил я. Продолжая предметно размышлять о путях Происхождения, я сейчас говорил, просто отстраненно пересказывая ранее слышанное от фон Колера:

– Для одержимого Тьмой или озаренного Светом доступная к использованию сила не ограничена. Энергетический каркас в этом не участвует, и порог использования энергии и сила ее применения зависит только от умения и концентрации в обуздании и контроле почерпнутого объема энергии. Кроме того, отсутствие необходимости целостности энергетического каркаса дает возможность одержимым использовать импланты. Это довольно общеизвестная в узких кругах информация, но подобная практика не распространена лишь по причине нежелания одержимых привлекать к себе внимание.

– Ты одержимый? – вырвала меня вопросом Николетта из параллельных мыслей о путях Происхождения.

– Что?

– У тебя рука бионическая, но ты, я видела, сформировал...

– Нет, я не одержимый.

– Но тогда как?

– Это уже высшая математика, об этом позже. Я исключение из общих правил, а мы сейчас по основам.

– Хорошо, прости. Продолжай, пожалуйста.

– А на чем я... а, вспомнил. Заканчивая эту ветку рассказа. Эфир в древнегреческой мифологии считается верхним слоем неба, обиталищем богов. Догадалась? Вижу, что догадалась. Впервые термин homo deus, человек божественный, был применен в двадцать втором году, по итогам битвы при Вердене. Но сразу после Великой войны и подписания Стихийного пакта это название одаренных людей попало под запрет. Почему?

– Чтобы не провоцировать гнев народных масс?

– Сразу видно, что не просто умничка, а умничка из Италии.

– Почему?

– В корень зришь. Да, именно для этого. За последние сто лет ни один из одаренных еще не умер своей смертью... а это значит что?

Николетта задумалась.

– Это значит, что добро пожаловать в божественный клуб.

Я дал некоторое время Никоlette обдумать услышанное. По мере того, как она осознавала свою новую реальность, в ней просто бушевали эмоции.

Несколько минут прошло в молчании, после чего я вернулся к Розе Владения. Озвучивая собственную настолько простую, но столь удивительную догадку.

– В общем, с Элементарным путем все понятно – на то он и элементарный, встань и иди. С Происхождением также понятно: не ты выбираешь Происхождение, а Происхождение выбирает тебя.

Николетта, как ни странно, все поняла. Это мне полгода потребовалась, а она на лету схватывает.

– Теперь подходим к третьему пути. Долгое время ошибочно считалось, что Элементарные пути ведут к большей силе, чем Универсальные. До того момента, как некоторые универсалы не достигли вершин могущества.

– Например?

– Например Александр IV Миротворец, самодержец Всероссийский и президент Российской Конфедерации. Итак, давай про универсализм, – акцентировал я внимание на проекции фигуры, которая вновь оказалась расцвечена красно-оранжевым пламенем души.

– Луч указывает путь. К примеру, ты выбираешь Огонь и движешься прямо по этому пути. Ты знаешь, что такое туннельное зрение?

– Да.

– На машине ездешь?

– Да.

– За рулем.

– Да.

– В смысле сама, без автопилота, на машине, нажимая педали и...

– Я некоторое время выступала в Формуле-3, вторым пилотом в Скудерия Феррари.

– Оу.

– Это было в пятнадцать лет, и я быстро закончила, поменяв автогонки на парусный спорт.

– Хм. Окей. Значит, ты представляешь, что такое туннельное зрение. Смотри, по аналогии. Когда ты в состоянии покоя, поле зрения составляет сто двадцать градусов. При скорости сорок километров в час, поле зрения сужается до сорока пяти градусов, при ста километрах – до двадцати градусов.

– Хороший гонщик всегда сохраняет боковое зрение.

– Это уже уровень магистра, мы сейчас говорим об основной массе владеющих даром. Обсуждаем большие числа и статистику, а не частности.

– Поняла.

– Когда ты... хорошо-хорошо, не ты, а среднестатистический одаренный начинает изучать одно из направлений Владения, скорость у него маленькая. Он двигается по своему пути медленно, шаг за шагом, и угол зрения у него не уменьшается. Но с каждым следующим шагом скорость вырастает. Понемногу, исподволь и незаметно – пока идущий на первых рангах. Но после четвертого-пятого каждый последующий ранг дается с большим трудом и с более ограниченными возможностями. Так, к этому мы еще вернемся... И чтобы досконально понять особенности пути, тебе нужна система рангов. Смотри.

Когда я нажал на луч Огня, Роза Владения ушла на второй план, а перед нами появилось разветвленное изображение ранговой лестницы с пиктограммами разных конструктов. И каждая ступень ранговой лестницы делилась на три части.

– Цветовая дифференциация каждого ранга – бронзовый, серебряный и золотой уровень, была внедрена совсем недавно. До этого момента уровень владения считался только по рангам, не классифицируя внутриранговое умение.

– Это... как-то связано со скоростью обучения?

Я уважительно посмотрел на Николетту. Мне, чтобы догадаться, потребовалось весьма много времени, она же улавливает все на лету.

– Да. Лестница рангов называется лестницей не просто так. Движение по рангам, первый-второй-третий – это путь вперед. Развитие внутри каждого ранга, бронза-серебро-золото – это путь вверх.

У каждой ступени ранга три уровня владения. Считай, как локальные Формула-3, Формула-2 и Формула-1 на каждой ступени. И там, и там трассы и болиды; и там, и там общий принцип одинаков, но разница принципиальна. Да, – уловил я во взгляде Николетты вопрос, – она принципиальна на высоких, выше пятого, рангах. На детских уровнях, до третьего-четвертого, это почти незаметно. Третий золотой ранг примерно равен пятому бронзовому, в общем и целом. Но вот дальше... Разрыв увеличивается, причем начинается стремительный экспоненциальный рост. Шестой бронзовый ранг и шестой серебряный – это уже небо и земля. В равных условиях первый не победит никогда. И очень много одаренных уткнулись в потолок шестого бронзового ранга только потому, что не изучили полностью горизонтальные пути лестниц. А если ты на пути развития прошел, переходя на следующий ранг с бронзового умения, то золотой уровень на пятом-шестом ты не никак возьмешь.

Некоторое время потратил, рисуя схемы и показывая Николетте различия в конструктах; детально объяснял нюансы освоения магии и отличия бронзовой, серебряной и золотой дороги на выбранном пути. И только когда Николетта полностью поняла картину развития, продолжил.

– Есть еще один немаловажный фактор: скорость. Некоторые сознательно выбирают не

золотой путь, имея цель потолок в виде шестого бронзового ранга.

– Почему так?

– С каждым следующим рангом время, или даже время и возможности организма, оставшиеся на изучение ранга следующего, уменьшаются. И средний пласт одаренных учат везде, во всех странах Большой Четверки, по устоявшейся программе. Поднимая до пятого золотого, максимум до шестого бронзового ранга при наличии потенциала. И только избранные могут рассчитывать даже не на прохождение, а на саму возможность, на шанс подготовиться к прохождению всей лестницы, до седьмого-восьмого ранга. Что возможно только в том случае, если на каждом ранге ты брала золотые уровни владения даром.

– Это связано с туннельным зрением, которое ты упоминал?

– В том числе. Да, есть такое, что чем выше скорость перехода по рангам, тем более уже у тебя окно возможностей. Большинство сознательно идет очень быстро по рангам, не достигая ни в одном уровне серебряного. Все только по серебру и бронзе, чтобы получить гарантированную бронзу на шестом ранге.

– Гарантированную?

– Непреодолимый порог развития – восемнадцать лет, до этого момента нужно успеть.

– А я, мне ведь же уже... Прости, поняла, мы сейчас о базовых вещах.

– Да. Чем шире одаренный изучает способности и тренирует применение конструкторов, шагая последовательно с первого ранга и выше по ступеням бронза-серебро-золото, тем у него выше шансы и больше возможностей, но при этом меньше времени. И, набрав большой потенциал, можно запнуться на пути, а на второе совершеннолетие, когда возможности Источника останавливаются с ростом организма, остаться на невысоком уровне. Вечная надежда – так называют таких одаренных, не успевших к вершине пути. Так что да, многие выбирают гарантированную бронзу шестого ранга. Но это не главная причина.

– А какая главная?

– А подумать?

– Хм... происхождение?

– В точку. Право по рождению. Не забывай, что большинство одаренных не принадлежит себе в полном смысле слова. Даже родная стихия выбрана им уже родителями или главами кланов. Почти все одаренные живут согласно положениям Стихийного пакта, и роль очередного рядового юнита клана или рода как правило заранее расписана. Лучше гарантированная синица в руках, чем журавль в небе, так что на эксперименты сейчас идут очень немногие.

– То есть одаренные выбора не имеют?

– Имеют. Знаешь, почему в национальных кланах так много элиминированных собственный Источник?

– Это те, кто решил рискнуть и пойти своим путем развития, но не смогли вытянуть...

– Именно так. Замахнувшись на великие дела, пошли своим путем, к восемнадцати годам не взяли планку и добровольно-принудительно отказались от дара, освобождая путь другим. Потому что количество одаренных в каждом клане жестко регламентировано.

– Это в национальных кланах. А в старой аристократии?

– Не так все жестко, но... остаться слабым, при возможности стать гарантированно сильным. Пусть и не самым сильным, но не каждый идет на такой риск.

– Ясно.

– Отлично. И вот с этим знанием возвращаемся к Универсальным и Элементарным

направлениям пути развития. С Элементарными довольно понятно – в каждой стихии есть своя Школа, к примеру, школа Холода. Но направления не статичны, – я покрутил все три звезды. – К примеру...

Тут я задумался о допустимом к озвучке примере.

Их у меня было, но... Вот, допустим, Валера. Его оборотничество – это симбиоз трех направлений: Тьма, Дух и Астрал. И в результате возникает его возможность превращаться в оборотня, используя замещение астральной проекции.

Или, опять же допустим, Эльвира – которая развивается в направлениях Тьма и Душа – она же Менталистика.

– Так, ладно, смотри. Есть одаренные, которые не выбирают Путь. Это их Путь выбирает – когда они становятся одержимыми или озаренными. А есть универсалы, как, допустим... допустим, как... как, допустим, тот же самодержец Александр IV. Он, как понимаю, оперирует Воздухом, а универсалом стал, потому что развивался в... не знаю я, в чем он развивался. У нас в классификации Розы Владения нет электричества...

– Может, это один из неназванных лучей?

– Может.

Тут я подкрутил Розу Владения, выставив два луча рядом: Воздух и один из неназванных лучей.

– Если этот неназванный луч электричество, как вариант, почему нет. Либо же... а что такое вообще молния, как она возникает, ты знаешь?

– Это электрический разряд в дождевой туче, между облаком и землей, либо между соседними облаками. Причиной электризации выступает сила притяжения, возникающая вследствие трения сконденсированных капель или льдинок, из которых и образуется туча.

Оу. А я вот и не знал этого. Это в каком, в восьмом классе проходят? Впрочем, неважно – я все равно, похоже, во время этого урока или в футбол играл, или на девчонок пялился.

– Тогда путем развития русского царя может быть путь Воздуха и Воды, либо же сразу три луча – Воздух, Вода и вот этот, неназванный, который может быть Электричеством. Тем более, что – я тебе говорил уже, Розе Владения как модели уже много лет. Сюда вполне можно подтянуть физику, в частности термодинамику. У меня просто нет доступа к более современным моделям, которые используются в учебных заведениях для одаренных. Но это, в принципе, и не важно. Потому что тебе предстоит развиваться только как адепту Огня.

– Без выбора.

– Да.

– Почему?

– Потому что это Огонь, детка. Он не терпит ничего рядом. Огонь и только Огонь.

– Ты тоже развивался только в одном Огне? – явно что-то почувствовав, спросила Николетта.

Я только вздохнул.

– Я развивался вот здесь, – показал я ей на направление Тьмы. – Вот с этим Огонь можно сочетать, потому что Школа Тьмы «Разрушение» строится как раз на базовом Огне. Но тебе это не грозит, ты не одержимая.

– А ты?

– Я сейчас тоже не одержимый.

– Сейчас?

– Я тебе обязательно все-все расскажу. Но потом, потому что в данный момент это не

главное. Главное в том, что ко второму совершеннолетию каждый из одаренных уже достигает практически вершины своих возможностей. Именно с этим связано раннее воспитание и недетское обучение. Вот только... – я специально сделал паузу.

– Вот только мне уже девятнадцать.

– Да, и ты стала Аватаром Огня, пройдя стихийную инициацию. Инициацию, которая случилась раньше, чем Активация твоего Источника. А это значит...

Тут я задумался.

– Что это значит? – после долгой паузы поинтересовалась Николетта.

– Не знаю я, если честно, что это значит. Но могу уверенно предположить: очень может быть, что, когда ты выполнишь все условия первого бронзового ранга и запустишь поток энергии в Источник, ты встанешь на Путь освоения стихии. И с этого момента у тебя будет очень мало времени. То есть ты будешь ограничена в развитии собственных энергетических каналов.

– Насколько ограничена?

– Не знаю. Я сам впервые на этом пути, и что впереди, просто не представляю.

– Но ты меня не бросишь?

– Я тебе уже говорил, что нет.

– Прости, пожалуйста, но я просто очень волнуюсь и мне важно это слышать.

– Хорошо, прощаю.

– А сейчас, получается, у меня внутри энергии нет?

– Сейчас нет. У тебя инициированный, но не активированный Источник. Когда у одаренного есть стихийная энергия внутри, у него сиянием подсвечены глаза – ты же видела одаренных.

– А глаза не могут просто так засиять, а потом вернуться в обычный вид?

– Нет. В Источнике стихийная энергия или есть, или нет. Чтобы энергия в Источнике оказалась, ее нужно набрать, как правило это делается в Месте Силы. Такое место нам, кстати, желательно бы найти – я не хочу рисковать и учить тебя черпать энергию из обычного ог...

– Массимо.

– Да, – прервался я, видя волнение Николетты.

– Когда я разговаривала с Доминикой... я смотрела на нее через оранжевую пелену. И Доминика испугалась. Мне кажется, я даже почти уверена, что в тот момент у меня вспыхнули пламенем глаза. Но это же, как ты говоришь, невозможно, я же еще не набирала энергии в Источник. Но это случилось, и именно из-за этого она решила преподать мне урок. Массимо?..

– Ты... – я даже сразу не нашелся, что сказать.

– Я.

– Ты смотрела на нее через оранжевую пелену.

– Да.

– То есть перед взором у тебя была пелена?

– Да.

– Оранжевая.

– Да.

Красно-оранжевая, как будто ты смотришь через языки пламени?

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4ci>